

Наталія
ШИТОВА

РОДСТВЕННИЧКИ

Kindle Direct Publishing

Annotation

Когда-то Артем разбил Марине сердце, и она зареклась влюбляться. И поклонники есть, и замуж зовут, но она хорошо усвоила урок: чем шире раскроешь душу, тем больше плевков достигнет цели... ..Артем приезжает на похороны двоюродного брата и втягивается в череду криминальных разборок и старых тайн. Но главной неожиданностью стала встреча с женщиной, о которой Артем и думать-то забыл. Но вот они встретились спустя годы, и выяснилось, что время не лечит, а судьбу не обманешь...

Наталия Шитова

Родственнички

Марина не любила эту квартиру. Владимир и сам особенно не гордился своим жилищем. Но оно было единственным местом, где они могли быть вместе, ни на кого не оглядываясь, не опасаясь, что кто-то потревожит или помешает, что нагрянет кто-нибудь из соседей, или их ласки ненароком подсмотрит десятилетний Костя. Здесь любовники были в безопасности. И все равно... Марина чувствовала, что к этой квартире у нее не лежит душа. Но говорить об этом Володе было не обязательно. Он придавал слишком много значения их отношениям. Он ценил каждый час, который они могли провести вместе. Дать волю своим капризам означило все испортить. А Марина не хотела ничего портить. Известная истина: обычно один любит, а второй позволяет себя любить. Марина позволяла себя любить, но не хотела, чтобы Володя это почувствовал. Он не заслужил этой правды.

Марина покосилась на циферблат настенных часов. Часовая стрелка приближалась к шести, а свидание к концу.

— Володя, мне пора, — она ласково потрепала его по макушке.

Мужчина зашевелился, поднял голову, взглянул на Марину с обидой.

— Брось, рано еще...

— В самый раз, — улыбнулась она.

Владимир покачал головой, уткнулся лбом в ее плечо:

— Нет, рано... — он промычал еще что-то невнятное, коснулся губами груди, лизнул сосок, легко провел кончиками пальцев по шее... Марина тихонько засмеялась. Так трудно отказаться от его рук, ласковых, настойчивых, властных. Почти невозможно.

— Ну же, Володя, будет тебе... — она обняла Владимира, крепко прижала к себе, а потом осторожно отстранилась. — Перестань.

— Ну хоть поцеловать-то можно? — грустно произнес он, вздыхая.

Марина усмехнулась и потянулась к нему. Сильные, но нежные губы сразу же заставили ее усомниться в том, что стоит спешить домой... Домой-то не опоздаешь... Сдаться на милость этих рук и просто побыть счастливой. Это так просто. Это уже твое, и никто не отнимет...

— Маришка... Давай... — прозвучало между поцелуями. — Давай поженимся...

Нет лучшего способа справиться с непреодолимым соблазном, чем разговор на запрещенную тему.

— Мне правда пора, — сухо повторила Марина, увернувшись от очередного поцелуя.

Владимир разочарованно простонал, резко одним махом поднялся и сел, спустив ноги с кровати.

— Володя?

Он не отозвался. Согнулся, сцепив руки на затылке, словно заслонялся, чтобы ничего вокруг не слышать.

Он ласково погладила его плечо.

— Что случилось?

— Ничего, — Владимир зябко поежился.

— Не обижайся, пожалуйста, ты же знаешь: скоро Костя придет... — словно не замечая его состояния, скороговоркой пробормотала Марина. — Мне надо быть дома.

— Зачем ты так со мной, а, Маришка?

— Как? — вздохнула она.

Он отмахнулся, встал, потянулся к одежде.

— Володя, ну что с тобой? — Марина проговорила это как можно мягче.

— Значит, спать со мной можно, а замуж за меня не пойдешь? Сопляк тебе не нужен?

Марина выбралась из-под помятого покрывала, подошла к Владимиру, обняла, прижалась к широкой теплой спине, ласково погладила плечи.

— Ты не сопляк. Но... какой же ты все-таки глупыш...

— Вот-вот... — горько подтвердил он.

— Володенька, мы же с тобой сто раз об этом говорили.

— Да, я помню. Ты не выйдешь замуж, ни за меня, ни за кого-то другого. Ты — сама по себе... Ну ладно, пусть. Но почему ты не можешь просто переехать ко мне? Переехать сюда и жить по-человечески?!

Марина промолчала, разжала руки и направилась подбирать свое белье.

— Мариш, я не понимаю, почему? — настойчиво повторил Владимир. — Зачем жить в какой-то, прости меня, паршивой берлоге? Ну ладно бы я был бездомным бродягой, тогда понятно! Но в этой квартире мы бы отлично устроились втроем. В этой комнате Костю поселили бы, а сами — в большой... Марина?!..

Подхватив свою одежду, Марина просто вышла из комнаты, не сказав ни слова.

Стоя под душем, она подставила лицо горячим струйкам. Она не плакала. Не над чем. Не плакать же из-за того, что не можешь оправдать его ожидания. Ох уж это извечное мужское желание получить все и сразу, да еще в том самом виде, о котором возмечталось. Володя хороший, добрый, ласковый, заботливый, но... очень уж упрямый. Даже больше — упертый. У всякого мужчины, даже у самого умного, нежного, необыкновенного, есть свое «но». Владимир не умел мириться с неизбежным.

Иногда Марина жалела о том, что позволила себе поддаться. У нее было особое, странное отношение к мужскому вниманию. Получив в юности пару горьких уроков, она дала себе слово, что никогда больше не купится на пустые слова. Почему она впустила Володю Панина сначала в свой ближний круг, потом в свою постель?.. Чем смог растопить ее сердце молодой коллега? Может быть тем, что был так искренен и открыт перед ней? Марина порой жалела, что не могла ответить ему тем же.

Подпуская к себе мужчин, Марина никогда не раскрывала перед ними свою душу. И Владимир был вынужден принять ее условия: никаких разговоров о прошлом, никаких обязательств на будущее. Принять-то условия он принял, но выполнять их ему удавалось плохо, особенно в части обязательств и обещаний.

Когда Марина вышла из ванной, Владимир уже колдовал на кухне над чашками кофе. Обычный ритуал, кофе на дорожку.

На Марину Володя взглянул виновато и смиренно:

— Маришка, ты прости меня... Помню, я слово давал не приставать к тебе с этим. Но что-то мне истерики в последнее время особенно удаются.

— Я заметила, — миролюбиво отозвалась Марина, взяв из его рук чашку. — Ты уже несколько дней сам не свой. Что-то не так? У тебя какие-то проблемы в конторе?

— Нет, в конторе все замечательно, — рассеянно усмехнулся Владимир, отвернувшись к окну.

Марина не нарушала молчания. За пару последних месяцев, в течение которых они с Владимиром были близки, она неплохо изучила его. Если не приставать с наводящими

вопросами, он сам все расскажет.

В конторе — Марина и Володя работали вместе — проблем могло появиться сколько угодно. Это только со стороны кажется, что у аудиторов сладкая безбедная жизнь. На самом деле подводных камней множество. Иной заказчик требует от консультанта одним щелчком пальцев заштукатурить все огрехи, накопившиеся за годы неаккуратной работы. Иногда приходилось идти на открытый конфликт, иногда искать лазейки на грани криминала. Напряженные трудовые будни вполне могли испортить настроение.

— В конторе все нормально, — повторил Владимир, вцепившись в свою чашку и с наслаждением вдыхая терпкий запах крепкого кофе. — Это... Это семейные проблемы, Маришка...

— Я надеюсь, все здоровы?

— Здоровы?.. А, ну да. Да. Все в порядке... — Володя снова замолчал, сделал еще глоток, только его серьезные серые глаза смотрели куда-то сквозь стену, и в них металась тревога. Через некоторое время Володя встрепенулся и внимательно взглянул на Марину: — Скажи, ты ведь в прошлом году входила в группу, проверявшую Сережкин холдинг?

— Было дело, — согласилась Марина.

— Скажи, что вы там накопили?

— Ничего особенного, так, по мелочи, как всегда.

Марина и вправду не могла припомнить ничего такого примечательного. Сергей Панин, старший брат Владимира, занимался бизнесом, причем в масштабах городка бизнес этот считался немалым. Холдинг включал в себя не только шикарный автосалон, но еще элитную автомастерскую, картодром, мототрек и внешнеторговую фирму, ввозившую непосредственно из-за границы новейшие иномарки. Отцы городка и авторитеты всех мастей считали хорошим тоном менять и обслуживать свои авто в заведениях Сергея Панина, которые в совокупности гордо именовались «Панин и Ко». Марина не была лично знакома с Володиным братом — статусом не вышла. Она всего лишь вместе с коллегами проводила в его фирме аудиторскую проверку.

— А таможенные и товарные документы? Вы смотрели их?

— Володя, ну конечно же смотрели. Там было все в порядке... На тот момент.

— Угу... — кивнул он, задумчиво постукивая кончиками пальцев по столешнице.

— Что-то случилось? У твоего брата какие-то неприятности?

— Да какие у Сереги могут быть неприятности? — рассеяно отозвался Владимир. — Разве что очередной малиновый пиджак опять на брюхе не сходится... У него других неприятностей быть не может.

Марина допила кофе, встала, поставила чашку в мойку. Владимир, задумавшись о чем-то, замер в прежней позе с остывшей кружкой в руках.

Марина подошла, обняла его сзади, прижалась щекой к щеке.

— У Сергея все в порядке, зато у тебя из-за него какие-то проблемы. Верно?

— Пустяки, Мариша, я сам разберусь, — твердо сказал он, накрыл ее ладони своими, высвободился, прижал ее руки к губам.

— Ты проводишь меня?

— Здравсте пожалуйста! — искренне возмутился Владимир. — Могла бы и не спрашивать!

Из кухни по всему коридору распространялась смесь запахов: борща с кислой капустой, жареной рыбы и стирального порошка в стадии получасового кипения вместе с детскими пеленками. Пробравшись сквозь развешенное прямо в коридоре белье, Марина вошла в кухню.

На одной из плит на всех четырех конфорках стоял огромный фиолетовый бак с бельем. На другой плите шипела и чадила сковородка, на которой подгорали две рыбки неизвестной породы.

На рыбу Марина было, в общем-то, наплевать. Пускай себе подгорает. Но дышать масляным чадом ей совершенно не хотелось. Хорошо, сковородка оказалась с пластмассовой ручкой. Марина поспешила снять ее с огня и поставила на соседнюю конфорку.

Она повернулась к своему столику, но чайника на нем не обнаружила.

— Господи, неужели опять сперли? — вздохнула Марина, внимательно оглядывая коммунальную кухню. — Вот паразиты...

Сколько раз она говорила себе, что пора покупать электрический чайник и пользоваться им в комнате, но эта здравая мысль, как назло, регулярно вылетала из головы.

Из коридорных дебрей висящего белья выскочил Александр и ринулся к плите, торопливо застегивая кнопки джинсовой безрукавки:

— Неужели сгорело?!

Он схватил нож в левую руку и, придерживая сковородку негнушимися пальцами правой, принялся отдирать припекшихся рыбок. Ручка сковородки выскальзывала, Александр, напряженно сжав губы, старательно орудовал ножом. В такие минуты Марине всегда хотелось предложить свою помощь, но она старалась не делать этого с тех пор, как сосед однажды взбесился в ответ на такое предложение.

— Маринка, ты спасла мой ужин! — сообщил он, отделив рыбок от дна сковородки.

— Ах, это, оказывается, твой ужин? Разве можно есть такое? — Марина с подозрением взгляделась в рыби хвостики, покрытые угольной корочкой. — Ты где их добыл?

— Мальчишки-рыбаки у проходной продавали. Нормальная рыбешка, — беспечно пожал плечами Александр.

— Саша, ты что, спятил? Это же в Ижоре выловлено. Такую рыбу не всякая кошка есть станет.

— Кошка, может быть, и не станет, а я съем. Видела бы ты то, что мы в армии ели! Там бы такой деликатес на ура прошел.

Марина не стала продолжать увещевания. В конце концов, о вкусах не спорят. Пускай ест на здоровье.

— Саша, ты не знаешь случайно, кто мой чайник увел?

Александр стрельнул глазами по сторонам, убеждаясь, что искомого чайника нигде не видно.

— Не знаю. Но обязательно узнаю и наломаю вору бока, — пообещал он.

Марина покосилась на соседа, на его крепкие мускулистые плечи под джинсовой безрукавкой и подумала, что похитителю чайника придется туго.

— Ты пока мой бери, — добавил Александр, стряхивая в тарелку то, что он называл нормальной рыбешкой. — Мой чайник они почему-то никогда не трогают...

Известно почему: никому из соседей не хотелось связываться с Александром. Он был невысок, но крепок и в прекрасной форме. Угрюмый, немногословный, Александр делал все, чтобы избежать столкновения коммунальных интересов. Но уж если кто-нибудь из бесшабашных соседей всерьез нарушал его покой, Александр обычно не предупреждал, давал в ухо сразу. Несмотря на то, что он почти не владел правой рукой, наломать бока вполне мог и левой.

Александр присел тут же на углу Марининога столика и с хрустом воткнул вилку в одну из рыбок. У него не было своего стола ни в кухне, ни в комнате, и видимо, он решил поужинать прямо здесь, ловя момент, пока никто из жителей восьмикомнатной коммуналки не притащился на кухню. В этой сумасшедшей квартире редко выдавались такие минуты.

Марина поставила чайник на газ и принялась смотреть в темное окно, в котором во всей красе отражалась кухня и старательно жующий Александр.

— Ну что, так и ходит хвостом за тобой твой поклонник? — спросил он, догрызая горелый хвостик. — Мотается туда-сюда... Не лень ему.

— Да вот не лень, — усмехнулась Марина. — А ты сегодня в ночь?

— Угу, — подтвердил сосед с набитым ртом. — Дождю сейчас и помчусь...

Марина и Александр знали друг друга сто лет.

Когда она с крошечным Костей стала жить в комнате своей престарелой тетушки, Александр жил здесь и был положительным во всех отношениях, энергичным и жизнерадостным парнем. Он был чуть старше Марины, хотя выглядел тогда совсем мальчишкой. Обычный темноглазый русоволосый паренек ничем не примечательной наружности. Он где-то учился, где-то работал и еще успевал куда-то бегать на тренировки. Иногда к нему приходили друзья, такие же, как он, чистенькие, аккуратные, спортивные мальчишки, и эти дружеские компании никогда не вызывали нарекания придиричивых соседских бабулек, потому что вели себя ребята на удивление пристойно и тихо.

Маленький ребенок, институт и тетушкины болезни отнимали у Марины все время, и ей некогда было вникать в жизнь своих соседей. Она лишь знала, что стоит только попросить Александра о какой-нибудь мелочи, как все будет немедленно выполнено. Он таскал вниз-вверх по лестнице детскую коляску, вбивал гвозди в стены Марининой комнаты, чинил ее уют, сильными руками почти досуха выжимал ее простыни и покрывала. И все время что-то рассказывал, шутил, выдумывал всякую ерунду, чтобы повеселить Марину. Кроме спорта и собственных мускулов он, кажется, ничем особенно не интересовался. Он был далек от серьезной литературы, хорошей музыки и прочих интеллектуальных и духовных излишеств бытия, которым Марина придавала большое значение. Но в те минуты, когда Александр был поблизости, Марина умудрялась забывать о своих проблемах, и за это она была благодарна своему соседу. Во всей разношерстной квартире Александр был единственным, кого она могла совершенно спокойно выносить.

Потом он ушел в армию.

Через два года порог квартиры переступил совсем другой человек. Ходили слухи, что Александр отслужил в каких-то элитных частях. Но никто не видел на нем ни тельняшки, ни десантного берета, ни золотых шнуров на плече, ни прочей дребедени, которую дембели напяливают на себя. Он приехал тихо, и не позвал к себе никого из тех прежних аккуратных мальчишек. Он больше не шутил с Мариной, не рассказывал потешных историй. Он теперь редко болтался на общей кухне, больше сидел у себя в комнатухе. Иногда сильно напивался, но не шумел, не бродил по коридору, а тихонько за день, за два приходил в себя в своей

комнате.

Марина попыталась выведать, что произошло с соседом за эти два года, но ответ получила весьма расплывчатый. «Пришлось пострелять», — коротко пояснил Александр, одним тоном пресекая дальнейшие расспросы. Прожил он дома года два, и за это время несколько не оттаял. Марина подметила, что он выверяет каждый свой шаг, каждое слово, будто боится сказать или сделать что-то лишнее, совершить какую-то ошибку. Он не то чтобы вздрагивал, но едва заметно напрягался от каждого громкого и резкого звука, внимательно и настороженно оглядывал каждого незнакомого человека, появившегося в квартире.

Внезапно пять лет назад он сдал комнату семейству с юга, которое круглый год торговало на рынке зеленью и цветами, а сам укатил. «Буду работать на севере по контракту», — сообщил он Марине, прощаясь.

Вернулся Александр неожиданно, когда о нем уже порядком подзабыли, в два дня выставил на улицу расплывшееся за четыре года южное семейство и снова зажил тихо, никого не беспокоя и не вынося никакого вмешательства в свои дела.

Видимо, за годы работы по контракту он благополучно избавился от тех проблем, которые мучили его по возвращении из армии. Теперь это был уверенный в себе тридцатилетний мужчина, собравшийся спокойно и достойно жить в свое удовольствие. Притязания Александра оказались невелики: он сделал ремонт в комнатухе, купил себе телевизор и магнитола, а потом устроился на «Метмаш» в кузнечно-прессовый цех контролером. Вполне возможно, что он хотел от жизни большего, но была этому одна серьезная помеха: после работы по контракту правая рука Александра ни в локте, ни в кисти не сгибалась, скрюченные пальцы плохо распрямлялись, и даже нормально взять в руку вилку Александр теперь не мог. На вопрос Марины, что с ним произошло, он мрачно отшутился, дескать, как не умели у нас лечить, так и не умеют, особенно в провинции. Привыкнув пользоваться левой рукой почти так же хорошо, как раньше правой, он каким-то образом умудрился успешно вкалывать на заводе вот уже почти год, не жалуясь на судьбу.

Александр работал в сменном режиме, а в выходные отсыпался. Однако, снова стал помогать Марине в разных мелочах и подружился с ее подросшим сыном. С возвращением Александра домой ее жизнь стала намного легче. Во-первых, никто больше не пытался взламывать дверь в ее комнату, после того как сосед всыпал очередному взломщику по первое число. Во-вторых, теперь Марине не страшно было вечерами оставлять сына дома: Александр присматривал за Костей очень ответственно.

— Ох, опаздываю! — Александр подхватил тарелку и, не вставая с места, переправил ее в мойку. Потом потянулся к многострадальной сковородке.

— Оставь, Саша, я вымою заодно, — обронила Марина.

Сосед взглянул на нее с угрюмым раздражением:

— Ни к чему это. Я сам.

Марина не стала возражать. Что толку спорить с мужчинами? Вечно они ведут себя, как дети малые.

* * *

Автобус долго стоял на переезде, но вот шлагбаум поднялся, и несколько машин с обеих сторон двинулись, тяжело переваливаясь через железнодорожные пути и подсакивая на

разбитом асфальте.

Владимир старательно боролся с одолевающим сном. «Лучше бы пешком прошелся», — с досадой подумал он, глядя в окно на тусклые фонари, укрепленные на заводском заборе. Сейчас вокруг нескончаемой заводской стены и на старую плотину... Дальше можно будет пройти пешком. Этот путь он проделывал почти каждый вечер уже много недель подряд.

Владимир взглянул на часы. Перевалило за полночь. Спать осталось совсем недолго, но он особенно не огорчился. Привык. Он знал, что утром едва вылезет из постели, на ощупь доберется до ванной комнаты и только под струей чуть теплой воды сможет, наконец, открыть глаза. Все это ничего, все пустяки. Уж что-что, а выспаться за свою жизнь он еще, дай бог, успеет.

Он поднялся с места, подхватил свою папку, прошел к передней двери, попросил остановиться.

Дождь успел начаться и кончиться, пока Владимир был в пути. Сквозь разорванные тучи кое-где проглядывало звездное ночное небо. Владимир пошел по набережной, обходя лужицы и втягивая голову в плечи, когда за шиворот попадали крупные капли, изредка срывавшиеся с мохнатых веток лиственниц.

Он возвращался в пустую квартиру, где сейчас его никто не ждал. Он только что простился с Мариной. Полчаса назад он разговаривал с ней, обнимал ее, слушал ее ровный, спокойный голос, и его тянуло безоговорочно повиноваться. Он знал, что его рубашка, которую он снимет дома, будет пахнуть Мариной, ее любимым цветочным мылом и нежными духами. Подумав об этом, Владимир мечтательно улыбнулся. То, что у него и Марины нет общей крыши над головой — это пустяк, это поправимо. Он был почти уверен, что сможет ее переубедить, рано или поздно...

Иногда Владимир тревожился, что его связь с Мариной, казавшаяся ему такой прочной, такой настоящей, вдруг даст трещину. Он понимал, что совершенно не знает эту женщину. О чем она думает? Чего хочет? Что у нее на уме? Зачем ей нужен парень моложе ее на четыре года, недавний студент и начинающий карьерист? Владимир не считал себя никчемным существом, не заслуживающим женского внимания и любви. Но Марина... Владимиру казалось, что этой женщине почти ничего не стоит получить от жизни все, чего ей хочется. И иногда его мучило недоумение: отчего же именно его она выбрала? Он пытался внести ясность, пробовал ее расспрашивать, задавал, словно в шутку, почти невинные вопросы... Она была, как обычно, непроницаема, ничего не собираясь ему объяснить. И Владимиру оставалось лишь смириться и довериться ей.

Панин медленно шел под мокрыми лиственницами и сам себе улыбался. Все было не так уж и плохо. Короткий пронзительный свист, раздавшийся совсем рядом, заставил его вздрогнуть и сдержать шаг.

— Володька! — из-за кустов показалась высокий паренек в спортивном костюме. Держа руки глубоко в карманах и втягивая голову в плечи, он подошел к нему вплотную.

— Что рассвистелся? — обозлился Владимир, узнав младшего брата Гошку. — Я тебе не собачонка!

— Извини, Вовка, не сердись, — скороговоркой отозвался Гошка. — Мне с тобой поговорить надо.

На собачонку-то был как раз больше похож Гошка. Причем на побитую. Он явно намеревался о чем-то упрасивать. Догадываясь, о чем именно пойдет дело, Владимир взглянул на удрученную физиономию братишки и буркнул:

— Ну и что ты от меня хочешь?

— Вова, ты отдай мне эти документы... — попросил Гошка, зябко подергивая плечами. — Отдай, пожалуйста.

— Какие еще документы? Ничего не знаю... — сердито отозвался Владимир и сделал шаг, чтобы идти дальше.

Гошка заступил дорогу, умоляюще глядя брату в глаза.

— Володя, я позавчера оставил у тебя пакет с документами... Будь человеком, Вовка, отдай, пожалуйста.

— Не знаю, о чем ты.

— Знаешь! — завопил Гошка. — Все ты знаешь!

Владимир нервно поежился, переложил свою папку в другую руку и усмехнулся:

— Ты глотку-то не дери. Ничего я тебе не отдам.

— Вовка, пожалуйста...

Брат покачал головой. Гошка прерывисто вздохнул:

— Володя, у меня же теперь неприятности будут!..

— И не только у тебя, — серьезно ответил брат.

Он сделал несколько шагов, но Гошка догнал его и дернул за локоть:

— Вовка, ты ведь все понял, что там к чему, да?!

— Это было совсем несложно, — фыркнул тот, высвобождая руку.

— Когда узнают, что я их потерял, меня прибьют!.. — горячо выкрикнул Гошка.

— А если люди, которых вы обули, узнают об этом, прибьют вас всех, — отрезал Владимир. — И это волнует меня куда больше, чем то, сколько подзатыльников ты получишь от Сереги...

Он зашагал вперед.

— Володя!.. — Гошка бросился следом, догнал, потрусил рядом, преданно заглядывая брату в лицо.

— Что? — раздраженно выдохнул тот, останавливаясь.

— Ну помоги же мне!..

— Я тебе помогаю. Я именно этим и занимаюсь. Уже тем помогаю, что пытаюсь этот Серегин бизнес сломать к чертовой матери, пока никто не раскусил что к чему...

— Это не Серегин бизнес! — воскликнул Гошка. — Честное слово, Володя! Ну... не только Серегин...

Владимир грустно усмехнулся:

— Да я уж сам разберусь, в ком там дело, если ты не возражаешь... И передай Сергею: чем тебя подсылать, пусть лучше найдет время для душевной беседы.

— А Серега меня не подсылал, — упрямо буркнул Гошка, потупившись. — Я сам.

Чтобы туповатый, боязливый Гошка хоть шаг сделал против железной воли Сергея, самого старшего из братьев Паниных? Да кто в такое поверит? Владимир не сомневался, что именно Сергей, оборотистый, жуликоватый и напористый, не побрезговал втянуться в криминал и младшего полностью подмял под себя.

— Иди домой, Гоша, — сухо приказал Владимир. — Я сам во всем разберусь.

— Они же убьют меня! — взмолился Гошка.

— А об этом тебе следовало раньше подумать. Я тебе, Георгий, много раз говорил: ты не тем делом занялся...

— Если ты хочешь, уйду я насовсем от Сереги, брошу на него шестерить. Обещаю!..

Хочешь, я с тобой останусь, все делать буду, как скажешь? Хочешь?

— Ну вот еще, нужен ты мне! — рассердился Владимир и легонько столкнул брата с дороги. — Брысь пошел!

— Зачем тебе это надо, Вовка? — Гошка чуть не плакал. — Ты же не только мне, ты же и себе проблему наживешь!..

Владимир молча шел вперед, не реагируя больше на голос младшего брата.

Гошка постепенно отстал.

— Сука ты! — со злыми слезами в голосе хрипло выкрикнул он в спину Владимиру. — Награду, что ли, ждешь? Смотри, как бы посмертно не получить!.. Вспомнишь еще!

Голос Гошки затих. Наверное, он остался стоять на аллее. По крайней мере, Владимир не слышал его шагов.

Пытаясь успокоиться, Панин пошел быстрее, стремясь поскорее преодолеть оставшиеся до подъезда метры.

«Проблему наживешь...» Проблему Владимир уже нажил.

Ему не хотелось сейчас думать о ней. Эта проблема за пару дней вымотала нервы. Всякий раз, когда он принимался размышлять о том, что случилось, он терялся и приходил в отчаяние. Мысли о Марине на какое-то время выводили его из этого состояния. Но даже ее поддержка не могла помочь. Тревога мучила Владимира. Его заботило даже не то, что братья фактически вступили в конфликт с законом. Судя по всему, некоторые участники событий могли в любой момент предъявить Сергею Панину счет.

* * *

Алена сто раз пожалела о том, что решила остаться. Вообще-то ее никто не только не заставлял, но даже и не просил. Наоборот, Гошка поминутно ворчал, ругался и гнал Алену домой. Но она домой так и не пошла. В конце концов какая разница, зайвится она домой в одиннадцать или полночь? Да никакой. Все равно выговор будет. Но не очень сильный. Родители уже стали привыкать тому, что Алена иногда часами где-то пропадает со своими друзьями. Нет, они вовсе не были беспечными родителями, и им не было наплевать на свою семнадцатилетнюю дочь. Скорее наоборот, опека была плотной. Вечно одно и то же: «Куда идешь? С кем? Уроки сделала? Домой не позже десяти! Этот наряд слишком вызывающий... На дорогу смотри, в лужи не наступай, надень перчатки...» А вернешься, отчитайся, где была, что делала, не замерзли ли ноги... Поздними возвращениями домой Алена старалась не злоупотреблять. Обычно приходилось придумывать всякие более-менее правдоподобные оправдания: поздно кончился фильм, долго вместе делали уроки, день рождения у подруги... Иногда прикрывал брат. Он был старше на пятнадцать лет, жил отдельно и по слезной просьбе сестренки мог заверить родителей, что оставляет Алену до утра у себя. К счастью родители всему этому верили и полностью доверяли друзьям дочери. Правда, была во всем этом одна беда: родители думали, что знают всех друзей Алены. А она их не разубеждала.

Геorgia Панина они не знали. А если бы невзначай узнали, то точно не обрадовались бы. На них не произвело бы никакого впечатления то, что Гошка — младший брат и помощник одного из местных новых богачей. Отец Алены в сравнительно недавнем прошлом был очень влиятельным человеком в городке. Алена сама это время уже не помнила, но разговоров об этом в доме хватало. Отец с высокомерным презрением отзывался

о тех, кто недавно приподнялся. Новому русскому бизнесмену Панину тоже доставалось от Алениного отца по полной программе. А уж Гошке досталось бы и того больше. В глазах Алениных родителей Гошка был человеком, которого ни в коем случае нельзя подпускать к девочкам из приличных семей.

В глубине души Алена не могла не согласиться: такие парни, как Гошка, не были образцом для подражания. Гошка был симпатичным парнем, старался следить за собой, а когда вырядился в деловой костюм, то становился очень представительным, прямо как те молодые евангелистские проповедники, которые бродят по улицам и в самый неподходящий момент норовят поговорить с тобой о царствии небесном. Но все это производило впечатление, пока Гошка не открывал рот. Сразу становилось ясно, что Георгий Панин — существо простейшее, которому вращаться в приличном обществе крайне затруднительно. Пару раз Алена пыталась познакомить Гошку со своими друзьями, отпрысками районной аристократии, но из этого ничего не вышло, кроме трагикомических недоразумений. Гошка не мог поддержать ни один разговор: он понятия не имел о вещах, о которых беседовали Аленины приятели. Его манеры оставляли желать и желать, а словарный запас был просто на грани.

Но Алена ничего не могла с собой поделать. Сначала Гошка ей понравился: высокий, темноглазый, симпатичный, отлично водит машину, классно танцует и обалденно целуется. Потом она пришла в ужас от его непроходимой серости. Гошке уже шел девятнадцатый год, но создавалось впечатление, что его образование исчерпывается четырьмя-пятью классами. Но все же... Любовь зла, особенно в семнадцать лет. Алене оказалось интереснее с темным наивным Гошкой, чем со спесивыми юными снобами из дружеской коллекции родителей. Алена оценила спокойную Гошкину рассудительность, великодушие и преданность. Он стал ей дорог, и все его беды она переживала, как свои.

За те полтора-два часа, пока они вдвоем утапывали безлюдные дорожки на набережной, они успели несколько раз наорать друг на друга и затем помириться снова. В этом не было ничего необычного, они ссорились и мирились постоянно... Потом наконец появился Гошкин брат. Шел по центральной аллее сквера, помахивал кожаной папкой. Гошка направился ему навстречу.

Стоя поодаль, Алена слышала только резкие голоса двух спорщиков. Гошка упрашивал, Владимир непреклонно качал головой. Гошка бежал за братом, что-то ему говорил, хватал за руку, и, наконец, остался на тропинке один.

Алена побрела к другу. Тот, не двигаясь, стоял и ежился, засунув руки в карманы спортивных брюк.

— Гоша!

Он не обернулся, застыл на месте, словно не слыша.

— Гошка, ну что ты тут застрял?! — Алена подошла, дернула его за локоть, развернула к себе. — Ты слышишь? Гошка!.. Гошенька, ты чего?

Гошка отчаянно кривился, морщился, шмыгал носом, изо всех сил стараясь сдержать слезы.

— Что, не вышло, да? — огорчилась Алена.

Гошка выдернул руку, утер нос рукавом и задрал голову, уставясь в темное октябрьское небо и горестно шмыгая.

— Ну все, Аленка, влип я... — пробормотал он, глотая слезы.

— Твой Володя что, совсем дурак?! — воскликнула Алена. — Он что, не понимает?

— Да все он, сволочь, понимает... — буркнул Гошка и серьезно взглянул на нее. — Он, похоже, какую-то свою игру затеял... Будет он обо мне думать, как же. Он всю жизнь меня в упор не видел, так больно надо ему обо мне беспокоиться...

Гошка замолчал, задумался. Алена подождала немного, потом нетерпеливо топнула ногой:

— Ну и что теперь?!

— Самое правильное... уехать отсюда к чертовой матери... — тоскливо отозвался Гошка. — Все равно куда, а лучше куда-нибудь подальше... Чтобы никого из них никогда в глаза не видеть..

— Чтобы уехать, нужны деньги, — заметила Алена.

— А то я не знаю! — тоскливо сказал Гошка. — Вопрос в том, где их взять. Серега, жмот, такие крохи дает, даже на пиво не хватает.

— Гоша... Гош! — Алену вдруг даже в жар бросило. — У меня идея...

Он скептически глянул на подругу.

— Какая еще идея? Пива попить?.. Поздно уже. Да и... не на что.

— Какое пиво?! Я придумала, как добыть деньги. Я попрошу у Ивана.

— У какого еще Ивана?

— У тебя, что, память отшибло? У брата моего!

Гошка отрицательно покачал головой:

— Аленка, да ну тебя... Вот нечего ему больше делать, кроме как мне деньги давать.

— Ну тебе он, конечно, не даст, — проговорила Алена. В ее голове складывался нахальный, но на первый взгляд беспронимательный план. — Но я же не для тебя собираюсь просить...

Гошка Панин не зря подстерегал брата в парке на набережной. Дело стоило того, чтобы унижаться перед этим выскочкой в галстук. Собственная шкура иногда стоит унижения. Почему-то Гошка надеялся, что Владимир сжалится, поймет, махнет рукой на свою принципиальность. Но увы. Беседа с братом лишила Георгия последней надежды избежать наказания. Он прекрасно знал, что Сергей рано или поздно хватится документов: половину из потерянных бумаг надлежало сдать в центральную бухгалтерию, а половину уничтожить.

Сначала о бумагах вспомнил непосредственный Гошкин босс Кирилл Варченко, заправлявший всем в автомастерской. Вспомнил прямо на следующее утро, когда оба они пришли в кабинет Сергея Панина.

Сергей опаздывал... то есть, само собой, задерживался. В ожидании начальства Варченко заговорил о документах. Георгий ляпнул первое, что пришло на язык: замотался и где-то потерял.

— По-те-рял? — по слогам переспросил Кирилл, тараща глаза.

Георгий знал: оправдания не помогут. Он уже заранее подготовился к тому, что ему предстояло выслушать.

Матерился Кирилл Варченко не слишком виртуозно — до Сереги ему было далеко — но зато от души, так что у Гошки по спине даже мурашки побежали. Мысленно он отвечал боссу тем же, но губы сжимал крепче, чтобы ни одно слово, не дай бог, не вырвалось наружу. Себе дороже будет.

— Лучше бы ты голову свою пустую сразу где-нибудь оставил! — рявкнул Варченко напоследок. — Мало того, что нужно концы с концами сводить и с людьми за сентябрь рассчитываться... Так ведь бумажки эти не для чужих глаз, коз-зел... Вот доверь идиоту!.. Ну не завидую я тебе. Если выживешь, будешь на Сергея всю жизнь гайки крутить! Понял, придурок?!

— Гайки так гайки, — хмуро, но покорно согласился Гошка. Обострять было ни к чему.

Открылась дверь кабинета, и в небольшом помещении стало тесно. Грузная фигура Сергея Панина заняла собой полкомнаты. Гошкин старший брат строго сдвинул густые светлые брови и буркнул, протягивая Варченко руку:

— Что тут у вас такое? Крику на весь коридор... Что этот урод опять натворил?

— Доброе утро, Сергей Палыч, — Варченко пожал руку боссу и, ни секунды не медля, объявил: — Сергей Палыч, ваш братец потерял все документы на последнюю партию товара.

— Это у тебя что, шутки с утра такие? — проворчал Сергей.

— Какие уж тут шутки, Палыч...

Сергей ненадолго задумался, тяжело и шумно вздохнул и уточнил:

— То есть? Совсем все? И белые накладные, и эти?...

— И черные, и таможенные декларации, и дефектные ведомости... — мрачно добавил Варченко.

Сергей прошел на свое место за столом, втиснулся в кресло, качнул толстым коротким пальцем хромированного дельфинчика, что висел на перекладине по соседству с малахитовым письменным прибором, и, еще раз шумно выдохнув, серьезно уставился на младшего брата.

Гошка уже не дышал от страха. Просто прикрыл глаза.

Сергей тем временем закурил, заерзал в кресле, навалившись локтями на стол. Немного тесноватый пиджак не давал ему принять вольготную позу, сковывал полные руки. Весь Серега напоминал бесформенный мешок с отрубями, который кто-то втиснул в шикарное импортное кресло. Нажрал харю, боров...

Сергей погрузился в глубокое раздумье, и на некоторое время словно бы забыл об Гошке. Нервничая, тот достал зажигалку, потянулся за сигаретами, но закуривать не стал. Вовремя вспомнил, что брат, сам практически не выпускающий сигарету изо рта, почему-то не терпит, когда Гошка курит в его присутствии.

Несмело косясь на брата, Гошка присел на диванчик напротив стола.

Сергей все дымил и молчал. К добру или к худу было его затянувшееся молчание, Георгий не мог сообразить. От напряжения у него даже ноги дрожали. Уж насколько он был далек от тонкостей Серегиного большого бизнеса, и то давно уже понял, что проступок его очень и очень серьезен и последствия может иметь самые паршивые.

Нервничая, Гошка принялся подбрасывать зажигалку на ладони. Сначала чуть-чуть, потом все выше и выше.

— Что, игрушку нашел?! — рявкнул Сергей, подняв голову от стола.

Зажигалка сорвалась с ладони. Гошка попытался поймать ее, но она скользнула по полу и уехала под огромный черный стол.

Обрюзгшее полное лицо брата скривилось:

— Ур-род...

— Извини, сейчас достану, — поспешно сказал Георгий, встал на колени и зашарил под столом.

— Недоносок паршивый!.. — взвизгнул вдруг Сергей, и его каблук с подковкой с размаху опустился на пальцы брата.

Гошка взвыл, отпрянул, откатился от стола, прижал к груди ушибленную кисть. Слезы брызнули из глаз.

— Ты что, Серега, сдурел?! — простонал Георгий и с трудом пошевелил пальцами.

Сергей не сводил с брата тяжелого взгляда.

— Что, больно? — глухо переспросил он и, вытащив толстую задницу из кресла, протопал к Гошке.

Он наклонился, схватил брата за запястье и рванул вверх, поднимая его на ноги. Георгий сжался, ожидая еще какой-нибудь пакости, и ожидания его не обманули. Сергей резко выкрутил ему кисть, заламывая ее назад. Гошке даже показалось, что он слышит хруст.

— А так? — осведомился Сергей.

Гошка изо всех сил сжал зубы, чтобы не завывать от боли.

— Гаденыш ты, гаденыш... Предостерегали меня хлопцы, говорили, что нельзя тебе дела серьезные доверять... Сопляк... Недоносок... Дрянь... Навязался ты на мою голову! — процедил Сергей и вдруг сильным толчком отпихнул Гошку от себя.

Тот отлетел на диван и тут же скорчился в уголке, придерживая ушибленную руку.

Будь проклята эта жирная сволочь, которую судьба за что-то назначила ему в старшие братья! Будь проклято все: эти Серегины левые и правые дела и делишки, эта треклятые бумажки, эти дерьмовые Вовкины принципы, эта дрянная зажигалка, эта чертова жизнь, эта адская боль...

— Ума не приложу, что теперь делать? — пробормотал Сергей.

— Искать, — с досадой проговорил Кирилл, почесав висок. — И как можно скорее... А

то как попадут бумаги в руки кому не следует, неприятностей не оберешься...

— Ты понимаешь, урод, что ты натворил? — глухо уточнил Сергей, стоя над братом.

— Понимаю, — отозвался Георгий, глядя в пол. Он знал, что если промолчит, Сергей продолжит экзекуцию с удвоенной силой. Упорное молчание всегда раздражало его еще больше, чем невнятные ответы.

— В глаза мне смотри!

— Сережа, я нечаянно... — Георгий заставил себя взглянуть в лицо брата.

Кирилл скептически хмыкнул.

— За нечаянно знаешь что бывает? — проворчал Сергей, сунул руки в карманы широких, лоснящихся на бедрах брюк и смачно крякнул, качая головой. — Ладно, прибить тебя я всегда успею... Теперь будешь у меня волчком крутиться. Кирилл, давай-ка запрягай. Обьедешь с этим недоноском все места, которые он сможет припомнить, проверите все, спрашиваете...

— Но... — начал Георгий, но прикусил язык.

— Что «но»?! — проревел Сергей. — Ну, говори, говори!

Он вцепился в челку брата и затряс его голову, словно хотел оторвать:

— Ну, говори, я жду!

— Не надо никого никуда посылать... Я вспомнил.

— Ах, вот как?! — взвился Сергей. — Значит, с памятью у тебя все в порядке? Ну и где же ты их забыл?

Георгий сделал вздох поглубже и выпалил:

— В квартире на набережной! Когда в пятницу к Володьке заходил...

Сергей растерянно смотрел на Гошку сверху вниз и напряженно хлопал короткими ресницами. Георгию показалось, что сейчас последует оплеуха, каких он давно не получал.

— Это точно? — быстро переспросил Сергей.

— Точно.

— Ах ты, тварь... Так что ты мне голову морочил? — сплюнул Сергей и несильно, но резко двинул брата кулаком в плечо, а потом развернулся и снова сунул руки в карманы.

— Сергей Палыч... — начал Баженов. — Ситуация-то ни к черту...

— Я знаю, Женя, — буркнул Сергей. — Знаю...

Он обернулся и, набычившись, уточнил у Гошки:

— Назад взять пробовал?

— Не отдает, — мрачно проговорил тот, приглаживая взлохмаченные волосы.

— Конечно, не отдает... Он у нас принципиальный... — задумчиво протянул Сергей. —

И это совсем плохо...

— Сергей Палыч! — Кирилл тоже не на шутку встревожился, даже побледнел немного. — Если хоть что-то конкретное всплывет, и мне, и вам не поздоровится... Прикрытия в этой ситуации мне не дадут. Ваш Володя — парень с головой. И упрямец каких мало... — уверенно проговорил Кирилл. — Он такого шанса не упустит...

— Какой шанс? Какой такой шанс?! — взревел Сергей, и Гошке показалось, что сейчас Серега наконец-то обрушит гнев на своего прихвостня. Но тот взял себя в руки и только желчно бросил Варченко. — Нет, Кирилл, нет. Вовка, конечно, упрямец, но не настолько, чтобы брата, который его на ноги поставил, в унитаз спустить. Договоримся.

— Вы уже как-то пробовали, — спокойно вставил Варченко. — Не получилось. Но раньше у него хоть документов не было, одни домыслы и догадки. А теперь у него не просто

бумажка в руках, а прямой компромат...

— Я сказал тебе: договорюсь я с ним! — повысил голос Сергей. — Ну а не договоримся...

— Что тогда? — осторожно уточнил Кирилл.

Сергей не ответил, только выразительно смотрел на Варченко секунд пять, потом нехотя буркнул:

— Тогда и думать буду. А сейчас... Проще будет сначала просто отыскать документы. Ключи от квартиры у меня есть...

— Володя их в квартире не держит, — несмело вставил Георгий.

— С чего ты взял? — хмуро уточнил Сергей.

— Я уже... того... — замялся Георгий, но под тяжелым взглядом старшего брата поспешно пояснил. — Я уже все перерыл у него вчера днем. Не держит он их дома. Наверное, на работе они у него...

— Это вряд ли, — заметил Сергей, насупившись. — Скорее, с собой в папке своей любимой таскает... Впрочем, с Володей я сам разберусь. Ты, урод, ему на глаза лучше не показывайся. Разозлишь его еще больше...

* * *

Разговор со старшим братом совсем вывел Владимира из равновесия.

Сергей лично приехал к нему в офис, чего раньше никогда не случалось.

Целый час он просидел у Владимира, в его личном стеклянном аквариуме, на глазах у всего честного люда. А может, оно и к лучшему. Потому как вчера, когда Владимир попытался поговорить с братом на его территории, кроме громогласной ругани, ничего путного не получилось.

Правда, и сегодняшний день не привнес в ситуацию никакой надежды. Сергей дал понять, что не потерпит, если всякие соплики его учить будут.

А Владимир его учить не собирался. Он просто боялся за него. Боялся, что в один прекрасный день люди, которых Сергей Панин жестоко нагрел, раскроют обман. А среди обманутых клиентов Панина были такие, которые не будут долго думать, и взлетит Серега в своем мерсе под облака.

Владимир пытался втолковать это Сергею, но тот, упрямо набычившись, гнул свое и вполголоса матерился, чтобы не привлекать внимание.

Сергей уехал уже давно, а Владимир все не мог успокоиться. Сидел, разложив вокруг разные бумаги, притворялся, что погружен в работу. Его раздражали телефонные звонки, бесили коллеги, доводил до белого каления начальник. В итоге рабочий день закончился, а Владимир так и не смог доделать начатое утром. Пришлось задержаться допоздна, сосредоточиться и написать этот проклятый отчет.

Домой он шел своей обычной дорогой, не обращая особенного внимания на то, что происходит вокруг.

Он пересек безлюдный двор и побрел к единственному подъезду кирпичной девятиэтажки. Пошарил над дверной ручкой в поисках кнопок. Пальцы Владимира попали в пустоту. В который уже раз кодовому замку кто-то приделал ноги.

Он усмехнулся и вошел в подъезд, задерживая дыхание, чтобы не вдыхать смесь запаха

переполненного мусоропровода и следов кошачьих прогулок при луне. Лифт, сломавшийся еще на прошлой неделе, беспомощно висел, застряв между первым и вторым этажами. Покачав головой, Владимир двинулся наверх по узкой темной лестнице.

Он услышал шорох снизу за спиной. И только успел подумать об очередной кошке, собравшейся нагадить под лестницей, как что-то впилося ему в горло, сжимая его...

Владимир вскинул руки, пытаясь зацепиться за удавку и ослабить ее. Но его пальцы лишь царапнули кожу, вздувшуюся с обеих сторон тонкой проволоки, впившейся в горло. Он захрипел, задержался в надежде освободиться. Тщетно.

Владимир никогда не опасался ночных улиц и темных лестниц. Он владел своим телом, как всякий практически здоровый молодой мужчина. Он всегда считал, что если не сможет дать достойный отпор нападавшим, то во всяком случае вырвется и сбежит в нужный момент. А сейчас он даже не успел огорчиться своей беспомощности. Он не мог справиться с противником. Это было все, что он успел понять. Удушье парализовало его, отняло способность сопротивляться. А невидимая рука его бесшумного противника все крепче затягивала удавку, и не было никакой возможности вырваться.

Сознание почти оставило его, нога Владимира соскользнула с узкой ступеньки, и он стал падать назад.

Противник не смог удержать падающее с лестницы тело, и Владимир кубарем скатился со ступенек. Еще не в силах сделать вздох, он приподнялся. Пытаясь левой рукой подцепить впившуюся в горло проволоку, правой он потянулся к поясной кобуре, скинул кнопочку и рванул наружу газовый револьвер.

В темноте вонючей лестницы ничего не было видно. Он выстрелил наугад, туда, откуда рванулось в его сторону темное бесформенное пятно...

Выстрел показался оглушительным. Лестничный пролет многократно усилил звук. В следующую же секунду жесткая рука вцепилась в ворот его рубашки, приподняла Владимира и с силой припечатала его затылок к холодной каменной ступени...

* * *

Сергей Панин перемещался по кабинету и давал утренние ценные указания. Варченко внимал. Только что не конспектировал. Гошка молча пристроился у окна, стараясь не мельтешить.

— ...Таможня даст нам дубликаты, — говорил Сергей. — Остальное своими силами придется восстановить...

Зазвонил телефон. Сергей снял трубку.

— Да? Да, Панин Сергей Павлович... Что? — Сергей нахмурился, вслушиваясь в слова говорившего. — Я не понял...

Он еще что-то слушал, потом неловко навалился задом на столешницу и переложил трубку к другому уху, рванул вниз узел галстука:

— Постойте, а ошибки быть не может?.. Да, конечно... Да. Куда подъехать? Буду через пять минут.

Он выругался, с размаху бросил трубку на рычаги. Потом неловко согнувшись, сцепил толстые пальцы на коротко стриженном затылке.

— Серега, ты что? — несмело проговорил Георгий, отрываясь от подоконника.

— Сергей Палыч, что с вами? — Варченко подскочил к боссу, заботливо прикоснулся к его плечу.

Сергей скинул его руку.

— Володя умер, — коротко сообщил он, не поднимая головы.

У Гошки перехватило дыхание.

— Как? — пробормотал он. — Когда?

— Ничего не знаю. Но мне надо ехать. Кирилл, отвезешь меня! — отрывисто приказал Сергей, разгибаясь.

— Да, конечно! — Варченко рванулся из кабинета.

Похлопав себя по карманам и вытащив почти пустую пачку сигарет, Сергей яростно скомкал ее и отбросил в угол. Рванувшись к столу, принялся копать в ящике...

— Серега, возьми мои, — Георгий встал и протянул брату свою пачку.

— Дерьмо какое-то куришь... — желчно брякнул Сергей, но пачку взял, прямо-таки выхватил. — Ты здесь останешься...

— Я с тобой!

— Я сказал тебе, ур-род, сиди здесь! — проревел Сергей и с силой оттолкнул брата назад.

— Почему?!

Сергей больше не произнес ни слова и вышел, оставив дверь в кабинет открытой.

Георгий выругался вполголоса, пользуясь тем, что Сергей его уже не слышит, и, подождав немного, пока брат исчезнет, вышел в приемную, а оттуда в коридор, соединяющий торговый зал автосалона и ангар автомастерской.

Там уже с необычной активностью перемещались Серегины подчиненные, передавая друг другу последнюю новость: любимый брат хозяина коньки отбросил.

Сообщение о смерти брата изумило Гошку, но особенно не огорчило. Он даже подумал со злорадством, что не иначе как за упрямство и несговорчивость случилось с Володей неожиданная неприятность. Одна досада: лучше бы на месте Володи оказалась жирный Сергей.

Сергея Гошка ненавидел. Его тошнило от одного вида Серегиных двубортных пиджаков, от его жирной шеи в складочку, от хриплого голоса и пивного брюха. Сергей мог в кровь разбить лицо брату и сразу же, любезно улыбаясь, бежать на встречу с денежным клиентом. Потом он возвращался, совершив удачную сделку и потирая руки от удовольствия, звонил своей любовнице. Поворковав с ней, уезжал на весь вечер, не подумав даже о том, чтобы сказать Гошке пару слов и дать немного карманных денег. Гошке не нужно было подаяние, но свое честно заработанное он предпочитал бы получить не пайком, а наличными. Но нет, Сергей не обращал внимания на то, что Гошке давно исполнилось восемнадцать, мордовал почем зря. Младший брат был его единоличной собственностью.

Пока Георгий был маленьким, он просто тихо плакал от боли, злости и унижения и мечтал о том времени, когда он сможет сделать с Сергеем все, что захочет. Теперь, когда побои становились все больнее, а унижение и бессилие Гошки все очевиднее, он понял, что мечтать о возмездии глупо. Проще было бы уехать куда-нибудь подальше с глаз брата, чтобы никогда в жизни не видеть больше его морды. Для этого нужно было хоть немного денег на первое время. У Гошки не водилось ни гроша. Да и подходящего способа добыть деньги он не мог придумать. Аленка рвалась помочь, но в успех ее авантюры Георгий не верил.

— Ну и что ты опять на кухне торчишь? — вздохнул сосед, обнаружив Марину за полночь в пустой темной кухне.

— Время убиваю, — отозвалась Марина.

— Что, бессонница?

Она кивнула.

— Грустишь?

Марина не ответила. Впрочем, Александру не нужны были ответы. Он не спрашивал, так, размышлял вслух.

— Похороны когда?

— Завтра в полдень, — нехотя ответила Марина. — А что?

— Да ничего... Пойдешь, конечно?

Марина опять промолчала.

— Новенького-то о Панине ничего не слышно?

— Ничего, — ответила Марина. — Собирали нас еще раз на инструктаж. Начальник службы безопасности учил, как себя вести в случае чего...

Она замолчала на полуслове. Что толку в этих инструктажах? Володя, молодой, сильный парень, и то ничего не смог сделать.

— Знаешь... — неторопливо проговорил Александр. — Ты брось это...

— Что бросить?

— Страндания черные. Только Костю травмируешь.

— Чем же?

— Тем, что уже третий день тебя тут нет. Ходишь мимо, смотришь мимо, да и отвечаешь тоже невпопад... По-моему ты Костю пугаешь.

— Ничего, Саша. Он большой уже, ему не нужно объяснять, что происходит.

— Да ну тебя... — с досадой произнес Александр. — Ты хоть пореви немного по-бабьи. Если стесняешься сына, так я тебе могу свою комнату предоставить для такого дела или Костю завтра свозить куда-нибудь на весь день... По-моему, тебе надо побыть одной.

— Спасибо, Саша, ты настоящий друг, — равнодушно произнесла Марина.

— Я тебе серьезно говорю, Маришка. Расслабься. Это ненормально, когда женщина не плачет.

— Выходит, я ненормальная.

— Выходит, — подтвердил Александр.

Марина обернулась и взглянула на него.

— Ну что смотришь? — вздохнул он. — Очнись, подруга. Не умаляя достоинств покойного Владимира Панина, считаю нужным напомнить, что вокруг тебя еще остались живые люди. Костя, например. Да и мне, грешному, тоже надоело в твои пустые глаза смотреть... Стоит ли этого Панин? Ты даже не собиралась за него замуж. Да и не любила ты его.

— Помолчи лучше, — сердито приказала Марина. — Это не твое дело.

— Ну, может, не мое. А может... Может и мое.

— Сашка, мне только того и не хватает, чтобы соседи начали лезть, куда не просят.

— Ладно, ладно, извини. — Александр виновато улыбнулся. — Слушай, у тебя не

осталось того аспирина растворимого? Голова трещит.

— Иди, возьми сам. В левом ящике трюмо.

Он улыбнулся и вышел.

Когда Володя Панин стал все чаще и чаще появляться у Марины, мужчины вроде бы нашли общий язык. Но по сути дела, Александр терпел Володю. Между ними не было ничего общего. Александр, кажется, с трудом вникал в те заумные проблемы, в которых начитанный, образованный Володя прекрасно ориентировался и о которых был не прочь поговорить. Александр умел слушать собеседника с видом, который можно было даже назвать заинтересованным. Но Владимир прекрасно видел, как оно было на самом деле. Его просто устраивало то, что Александр ему не возражает и после нескольких минут предварительной беседы на общие темы убегает в свою комнату и не появляется оттуда, пока Володя и Марина вместе.

Теперь, когда Володи больше не было, Александр тактично, но довольно настойчиво пытался отвлечь Марину от мыслей об этой потере. Было заметно, что потерю эту он считает небольшой. Он не сожалел о пижонистом всезнайке, который пару месяцев хаживал к его соседке...

Александр вновь появился на кухне как раз к тому моменту, когда его чайник на плите вскипел. Заваривая чай, он молча раздумывал о чем-то, потом высказался:

— Значит так, Маришка: завтра я выходной, а послезавтра в ночь. Если что, можешь смело Костю на меня оставить. Мы с ним найдем, чем заняться...

— Спасибо, Сашенька, — Марина с благодарностью улыбнулась ему. — Ты всегда меня выручаешь...

Он криво усмехнулся.

* * *

Грохнула дверь лифта. Послышались шаги наверх, к квартире.

Алена затаила дыхание, но, к счастью, почти сразу узнала брата. Иван поднимался к квартире с большой сумкой на плече.

На его лестничной клетке уже вторую неделю не было света, и теперь даже днем можно было сломать ногу на ступенях.

Подсвечивая себе под ноги карманным фонариком, он подошел к своей двери, нашарил в кармане пальто ключи... И тут он резко отскочил назад, скидывая фонарик. Свет ударил Алене в глаза

— Алена, какого черта?!.. — прошипел Иван, наклоняясь поднять выпавшие на пол ключи. Сумка тут же соскочила с плеча, и Иван захватил ее длинный ремень в кулак.

— Ты меня напугал... — виновато ответила он.

— Ты меня тоже, — сердито признался Иван, разгибаясь. — Ты что здесь?

— К тебе пришла. Жду.

— Вижу. Я спрашиваю, ты что, лучшего места для ожидания не нашла?

Она промолчала.

— Так... Сумку держи! — решительно распорядился брат.

Алена послушно приняла объемистую сумку и молча ждала, пока Иван разберется с тремя дверными замками. Обычно в такой ситуации она начинала подшучивать, дескать, к

чему тебе столько замков, когда прятать-то нечего. Но сейчас она ничего не сказала, так же молча вошла, поставила сумку прямо посередине прихожей, разделась и тихонько прошла в кухню.

Иван спокойно отнесся к молчанию гостыи и понес в кухню сумку с покупками. Там он торопливо рассовал продукты по холодильнику и на всякий случай взглянул в две пустые кастрюльки на плите: как там, не прибавилось ли чего?

— Обедать будешь? — спросил Иван.

— А что у тебя есть? — равнодушно спросила она.

— Ничего нет.

Алена разочарованно фыркнула:

— Тогда не буду.

— Я сейчас сварганю что-нибудь. А пока возьми мороженое, в морозилке лежит.

Алена подошла к холодильнику, открыла дверцу морозилки и, встав на цыпочки, безуспешно попыталась туда заглянуть.

— Господи, когда же ты подрастешь-то... — усмехнулся Иван.

— Теперь уже никогда, — пробурчала она. — Что выросло, то выросло.

Отодвинув в сторону сестренку, не достающую ему до плеча, Иван запустил руку в глубину полупустой морозилки и вынул эскимо в блестящей упаковке.

Алена присела на один из двух табуретов и принялась за мороженое.

— И зачем тебе такой большой холодильник? Нормальному человеку в него даже не заглянуть... — задумчиво произнесла она.

— Это кто нормальный человек? Это ты нормальный человек? — засмеялся Иван. — Ты пол-человека...

Алена ничего не ответила, только недовольно хмыкнула.

Брат достал из морозилки здоровенный кусок великолепной свиной вырезки и занялся стряпней.

Алена прекрасно знала: Иван ненавидел эти проклятые кастрюли и необходимость снова и снова брать их в руки. Не то чтобы брат считал домашнюю кулинарию немужским занятием, вовсе нет. Просто процесс приготовления обеда мог занимать часы, а сама трапеза умещалась в десять минут. А Ивану всегда было до слез жаль времени. Даже теперь, когда с подъема до отбоя делать ему было практически нечего, и времени оставалось с лихвой, он по привычке старался оттянуть, отложить, забросить совсем ненавистное занятие. Полкило мясокомбинатовского студня и полбуханки хлеба внутрь, а потом мордой в подушку — и никаких проблем.

На самом деле проблемы были. Иван не любил жаловаться, бесился, когда его жалели. Но Алена и без жалоб видела, что брат чувствует себя все хуже и хуже. Лекарства, которые должны были излечить его после травмы, перестали помогать совсем. Если бы придя сегодня домой, Иван не обнаружил непрошенную гостью, сейчас он скорее всего не стоял бы у стола с кухонным ножом, а лежал бы на диване в обнимку с подушкой...

— Ваня, давай я тебе помогу... — предложила Алена.

— А? Что? — встрепенулся Иван, осознав, что замер над разделочной доской, надрезав с краешка мерзлый кусок мяса.

— Давай я приготовлю что-нибудь, а ты просто посидишь.

— Нет уж, я сам, — Иван снова принялся за дело.

— Ты себе пальцы отрежешь, — с беспокойством заметила Алена. — У тебя руки

дрожат...

— Я немного устал сегодня. Но дисциплина предписывает делать все самому. Хорошо же я буду, если заставлю гостью готовить себе угощение.

— Все хохмишь... — вздохнула Алена. — Какая я тебе гостья? Сестра тебе помочь хочет, а ты упираешься...

— Аленка, надо мной и так уже нависла угроза запустить квартиру и погрязнуть в своем беспросветном холостяцком одиночестве. Если я буду себя жалеть и поддаваться, в один прекрасный день я не смогу взяться за хозяйство. И что тогда?

— Тогда ты перестанешь себя уважать.

— Правильно понимаешь, — вздохнул Иван. — Тебе не жалеть меня надо, а подхлестывать, чтобы не расслаблялся.

— Я попробую. А что хоть это такое будет? — Алена кивнула на прозрачные замороженные ломтики.

— Мясная стружка, запеченная с картофельным пюре.

— У-у-у, это долго... Давай, я хоть картошку чистить начну.

— Учись, пока я живой! — усмехнулся Иван и достал из шкафчика большую коробку с картофельными хлопьями. — Через полчаса максимум все будет готово... Или вы, мадемуазель, не приучены к вкусной и здоровой пище из концентратов?

Она неопределенно пожала плечами:

— Концентраты — это для богатых лентяев.

— Нахалка... — обиделся Иван. То, что выходило у него в результате мучительных кулинарных усилий, он считал превосходным.

— Шучу. Не дуйся. Мне нравится твоя еда. Особенно, если ты за столом не задаешь нудных вопросов.

— Кстати о вопросах, — спохватился Иван. — А почему ты здесь вместо того, чтобы сидеть дома и учить уроки?

— Иди на фиг, — скривилась сестра. — Забодал со своей учебой...

— Слушай, детка, во-первых, не моей, а твоей учебой! — рассердился Иван. — А во-вторых, как это ты разговариваешь?

— А что я такого сказала? Ничего нецензурного...

— Все равно, уши режет. Я люблю разговаривать с людьми нормальным человеческим языком...

— Да ну тебя, — фыркнула Алена, надулась и прицельным броском закинула палочку от эскимо в ведро. — Мне иногда кажется, что ты с другой планеты. Моралист собачий...

Иван только укоризненно покачал головой.

— А если серьезно? Как дела? — как ни в чем не бывало, продолжил он свой допрос. — Что в гимназии?

— Не в гимназии, а в лицее, — буркнула девчонка. — А дела как всегда.

— А как всегда?

— Аттестат как-нибудь получу, если тебя это интересует... — пояснила Алена.

— Аттестаты бывают разные, — назидательно сказал Иван. — Мой, например, был настолько далек от совершенства, что абсолютно мне не пригодился. А жаль.

— Да какая разница?.. — пожала плечами Алена. — Другой не только без аттестата, но и без мозгов вовсе так устраивается, что будьте-нате... На черта тебе вообще аттестат, если ты и без него прекрасно устроился...

— Это с какой стороны посмотреть... — помрачнел Иван. — Ты, Аленка, мой опыт в полном объеме воспринимай. Чтобы не вляпаться подобным образом. Очень, знаешь ли, неинтересно теперь таблетки горстями глотать.

Иван ловил себя на мысли, что хочет порой, чтобы кто-нибудь посочувствовал ему, избавил его от хлопот, просто дал отдохнуть, когда бывали дни особенно невыносимые. Но ни одного сочувствующего под рукой не оказывалось. И он мало-помалу привык к состоянию одинокой развалины. И если случалось вызвать чье-то искреннее сочувствие, ему становилось неловко и стыдно.

Мясо, наконец, обрело вид, пригодный к дальнейшей обработке.

Иван отложил нож, постоял, борясь с желанием выдвинуть из-под стола табурет и сесть. Желание сесть победило. Он опустил на табурет и взял маленький противень. Мясная стружка, масло, приправа, немного воды из остывшего чайника...

Все так же не поднимаясь с табурета, Иван поместил противень в духовку и вздохнул с облегчением:

— Ну вот, почти все. Через некоторое время засыпать на противень хлопья, и можно будет накрывать на стол.

Шум в ушах то наплывал, то откатывался, как ленивый морской прилив.

Иван оперся лбом на ладонь и с наслаждением прикрыл глаза...

— Иди, полежи, Ваня, — тревожно произнесла Алена над самым его ухом.

— Я в порядке, — встрепенулся Иван.

— Ну, как хочешь! — злобно прокричала вдруг Алена. — Давай, умри на своем боевом посту! Что ты хочешь мне доказать? Герой...

— Алена, ты что на меня кричишь? — возмутился Иван. — Похоже, не с той ноги встала?

— С той!

— Что, опять с родителями поцапалась?

— Нет!

Иван развернулся к сестре.

Она стояла, прислонившись плечом к холодильнику и сложив руки на груди. Невысокая хрупкая девчонка с лохматой копной подкрашенных хной волос. Злобно сжатые губы и почему-то несчастные обиженные глазенки, наполненные слезами.

— Вот такие визитеры мне не нужны, детка, — усмехнулся Иван. — Мне и так тошно, чтобы еще ломать голову и разгадывать загадки твоего плохого настроения. Давай, выкладывай, отчего злая.

Она тяжело вздохнула, выпрямилась и оторвалась от холодильника.

Только теперь Иван заметил круги под ее глазами, чуть припухшие губы, невероятно усталый взгляд.

— Да что-о-о такое? — тревожно протянул Иван.

— Я могу попросить тебя?.. — серьезно проговорила Алена.

— Можешь, — согласился он.

— Мне нужны деньги, Ваня.

— М-да... - озадаченно крикнул Иван. — Вот я и дожил до знаменательного дня, когда просьбы сестренки перешли во вполне практическую плоскость...

— Мне много надо.

— А «много» — это по-твоему сколько?

— Тысяча долларов.

Иван невольно рот раскрыл.

— Неплохо для начала. А почему не две? — уточнил он.

Она протестующе взмахнула рукой, но только поджала губы и отвернулась.

Иван молча ждал.

Алена, наконец снова повернулась к нему. Выражение ее лица не изменилось, разве что в глазах появилось нетерпение.

— Ваня... Я серьезно. Мне нужна тысяча долларов.

Иван пожал плечами:

— Тысяча долларов, Аленушка, нужна всем. Даже мне.

— У тебя нет или ты не дашь? — с нажимом спросила она. — Только честно!

— Да пожалуйста, можно и честно, — вздохнул Иван. — Во-первых, у меня действительно больше нет таких денег, ни в рублях, ни в долларах, ни даже в тугриках. Пролет я все, Аленка...

— А во-вторых? — с горечью уточнила Алена. — Не дал бы, если бы даже и были?

— Если бы да кабы! Какая тебе разница, если денег все равно нет?! -

— рассердился Иван.

— Ты сможешь мне? — прошептала она, отвернувшись. Похоже, ее душили слезы.

— Я что, хоть раз подводил тебя?

Не оборачиваясь, она помотала головой и всхлипнула.

— Да перестань ты хлюпать носом! Объясни, зачем скромной старшекласснице срочно понадобились такие деньги. Только чур не врать! Поймаю на вранье — выставлю за дверь!

Алена повернулась, провела ладонью по щеке, взглянула на брата. Ее огромные светло-серые глаза казались от навёрнувшихся слез еще больше. Она прошептала:

— Мне нужно расплатиться.

— С кем?

— Так... — она неопределенно пожала плечами. — С одним бандюганом...

Иван вскочил на ноги, пинком отправил табурет под стол, не зная, куда себя деть, сунул руки в карманы.

— Ах, значит, с бандюганом?! Прелестно! Ты что, ребенок, смеешься?

— Я должна деньги, — холодно повторила она. — Черт побери, Володька, что тут смешного?!

Похоже было, что девчонка не шутит. Иван всплеснул руками:

— Ну ты даешь! Как ты умудрилась попасть на такую сумму?

Алена сжалась и заговорила тихонько, словно боясь, что за каждое слово ее ждет розга:

— Я в хлебном ларьке работала. По вечерам, с трех до восьми...

— Что ты делала? — опешил брат.

— Хлеб продавала, — пояснила Алена. — А потом пришла проверка. Ларек в тот же день закрыли. Насовсем. И теперь хозяин считает, что это из-за меня он был вынужден закрыть доходный бизнес, на раскрутку которого выложил большие деньги...

— И он хочет возместить упущенную выгоду?

— Вот-вот, — грустно кивнула Алена. — Если через два дня я не отдам ему деньги, они за меня возьмутся всерьез...

— Я с некоторых пор считал тебя взрослым человеком! — бросил Иван.

Алена захлопала глазами.

— Хоть бы меня спросила! Я бы объяснил тебе элементарные вещи, куда можно соваться соплячкам вроде тебя, а куда нельзя! Зачем тебе понадобилась эта работа?

Алена взглянула на него недоуменно:

— Володя, ты что, не знаешь, для чего люди работают? Тебе хорошо говорить, ты из дома сбежал и доволен! А мне уже знаешь как надоели скандалы с предками?! Я не хочу ничего просить! У них денег до черта, но они ведь такие принципиальные! Я, видите ли, еще ни гроша не заработала, поэтому должна быть благодарна, что они меня кормят и одевают! Спасибо им, конечно! Но где мне, по твоему, взять то, что мне надо? Мужиков на шоссе обслуживать?! Не хочу я быть шлюхой!!! А ты спрашиваешь, зачем мне работа?!

— Ларек, даже хлебный, не место для сопливой девчонки! Нельзя, не подумав, наниматься ко всяким подонкам! — закричал Иван, не сдержавшись. — А то как все просто у тебя! Нанялась, поторговала, а теперь брат тысячу баксов выложит, и все в порядке?!

Она в беспомощной ярости топнула ногой и, не сказав ни слова, бросилась бегом из кухни.

Иван настиг ее в прихожей, когда она, давясь злыми слезами, намазывала на шею длинный белый шелковый шарфик.

— Алена, подожди! — он схватил ее за плечи, но сестра вырвалась.

— Да пошел ты! — прошипела она. — Черт с тобой!

— Извини меня, — поспешно сказал Иван, испугавшись, что девчонка в отчаянии натворит еще больших глупостей. Он крепко обхватил ее одной рукой, другой принялся разматывать обратно шарфик. — Извини, я не хотел тебя обидеть. Остайся. Успокойся и расскажи мне все...

Она внезапно сникла, тяжело и глубоко вздохнула и разревелась во все горло. Иван молча смотрел на их отражение в зеркале. Алена рыдала и всхлипывала, дрожа и мотая головой, и Ивану стало очень жаль эту маленькую дурочку. Здравомысленно рассуждая, не очень-то она уже и маленькая, в шестнадцать лет женщина может занять богатый и разносторонний опыт в самых невероятных делах. Но Аленка, домашний ребенок, окруженная столькими запретами, ограничениями и упреками, справедливо казалась Ивану совсем еще малышкой.

Наверное, если бы он до сих пор жил в родительском доме, тогда бы они, наверняка, возненавидели друг друга, поминутно сталкиваясь лбами на ограниченном жизненном пространстве и втягиваясь в общесемейные свары. Но Иван виделся с Аленой довольно редко, в основном тогда, когда ему или ей этого хотелось. Поэтому взаимная симпатия брата и сестры крепла с каждой их встречей, и к тому времени, когда Алена превратилась из малявочки в хорошенькую девушку, они стали друзьями.

Доводить Алену до слез Ивану, конечно же, не хотелось.

Настойчиво и ласково он проводил ее в комнату, усадил на диван и сел рядом, поджидая, пока Алена справится со слезами.

— Ваня, что мне теперь делать? — тоскливо прошептала Алена.

— Я подумаю, — уклончиво ответил Иван.

— Если у тебя нет денег... — отмахнулась Алена. — То о чем думать?..

Каких-нибудь полгода назад Иван самолично встретил бы обидчика сестры и начистил бы ему физиономию до первозданного блеска. Но беда как будто нарочно нашла такой момент, когда у Ивана нет ни средств, ни сил...

Он потрепал сестру по растрепанным волосам:

— Не плачь, не переживай заранее. В любом случае этот твой хозяин прежде всего будет

иметь дело со мной.

Она шмыгнула носом и благодарно улыбнулась. Вдруг она озабоченно принялась вдыхать воздух:

— Ваня, у нас мясо не сторит?

— Так, я на кухню, а ты вытри сопли и успокойся, — скомандовал Иван и помчался спасать обед.

Он успел практически в последний момент, выхватил противень из духовки, добавил молока, высыпал и размешал хлопья. Обед будет готов через каких-то десять минут.

* * *

Автомобилей у подъезда стояло немного, что и неудивительно: наши люди на поминки ходят пешком. Однако Артем сразу узнал парадно-выходной «Мерседес» Сергея Панина, не новый, но нежно любимый хозяином. А по розовому зайчику в клетчатом переднике, что висел у лобового стекла новенькой белой «Вольво», Артем Николаев опознал новое приобретение своей бывшей супруги Светланы. Зайчик в переднике кочевал из одной ее машины в другую, и не иначе как Света в очередной раз повысила свое благосостояние, раз ее неизменный автомобильный талисман поменял прописку.

Артем торопливо поднялся наверх, понимая, что спешка его все равно бесполезна. Новость, которую он узнал всего полтора часа назад, совершенно выбила его из колеи. У всякого человека, если он, конечно, не круглый безродный сиротинушка, время от времени мрут родственники. Но одно дело потерять тяжело больного патриарха семейства, к смерти которого бывают готовы. И несколько иначе себя чувствуешь, когда слышишь сообщение, что умер твой двоюродный брат, здоровый и полный сил молодой мужчина всего каких-то двадцати четырех лет от роду.

Артем чувствовал себя совсем паршиво, поняв, что опоздал не только на похороны, но и на поминки. Жалел он, конечно, отнюдь не об упущенном удовольствии: похороны Артем ненавидел с детства, а к возможности нализаться на халяву был абсолютно равнодушен. Но сегодня за свое опоздание ему было по-настоящему неловко. Артем любил своих двоюродных братьев. Он с детства был дружен и с Сергеем, и с Володей. И сейчас Артем переживал, что не сумел оказаться под рукой у Сергея тогда, когда, возможно, мог бы пригодиться.

На площадке шестого этажа дверь квартиры была распахнута настежь и приперта помойным ведром, почти заполненным окурками. Около двери стояли двое совершенно незнакомых Артему парней без пиджаков и со сдвинутыми на сторону галстуками, и один что-то пьяно доказывал второму, пытаясь жестикулировать. Они оба вскользь оглядели Артема, но нисколько им не заинтересовались.

Войдя в квартиру, он понял, что и впрямь опоздал. В большой комнате были накрыты столы, но выглядели они уже порядком разоренными. Везде стояли пустые или полупустые водочные бутылки, а гости, человек тридцать, разбившись на мелкие компании, расплзлись по углам и лениво общались между собой, не обращая внимания на остальных. Кое-кто уже собирался домой и топтался в коридоре, разыскивая в ворохе курток и пальто свою одежду.

На Артема и тут никто не обратил внимания. Ни одного знакомого лица в комнате не оказалось. Артем направился в кухню, ориентируясь на громкое звяканье посуды.

Хозяйничать там могли только свои люди.

Своих людей было двое.

Две женщины в фартуках, надетых поверх строгих черных платьев, молча стояли над ведром и машинально стряхивали в него объедки с тарелок. Темноволосая смуглая Наденька, жена Сергея, вскинула голову на звук шагов и печально улыбнулась Артему:

— Здравствуй, Артемушка... Куда ты пропал?

— Я только что из аэропорта, — виновато отозвался Артем. — Прослушал автоответчик и сюда...

Вторая женщина, стоявшая спиной, обернулась, и Артем с изумлением обнаружил в ней собственную бывшую супругу.

— Тебя не узнать, Светка, — усмехнулся он, оглядывая женскую фигуру, аппетитно обтянутую черным бархатом.

— Богатой буду, — процедила он угрюмо.

— Да ты и так вроде не бедна... А где остальные? Где тетя Зоя? -

— встревожился Артем.

— Зоя Васильевна в больнице. Инсульт, — вздохнула Надя, продолжая заниматься тарелками. — Состояние тяжелое...

— Бог мой... — Артем закусил губы. — Давно?

— Вчера утром по «скорой» отправили.

— Кто с ней?

— Твой отец поехал... Я тебе сейчас тарелку чистую дам, — засуетилась Надя. — Иди, Артемушка, поешь...

— Да что, я сюда есть пришел?! — возмутился Артем. — Где Сережа?

— В спальне сидит, — с досадой отозвалась Надя. Похоже, что поведение мужа шло вразрез с ее понятиями о том, как ближайшему родственнику покойного следует вести себя на поминках. — Как с кладбища приехали, так и засел там. Ты уж расшевели его, Артемушка. Прямо стыдно: сидит, водкой давится, а гостей поблагодарить не вышел ни разу...

Артем только вздохнул.

Наденька не была такой уж бессердечной женщиной, но жизнь начисто лишила ее сентиментальности. Перед глазами Артема разворачивался странный парадокс: чем состоятельнее становился Сергей, чем больше достатка прибывало в семью, тем суровее, сосредоточеннее и ожесточеннее становилась тирания энергичной Надюши. Она происходила из той породы провинциалов, которые называют самую большую комнату в квартире залой. Стоило Артему впервые услышать из уст Наденьки слово «зала», как все остальные вопросы у него отпали сами собой.

Зала в квартире Сергея была храмом. Домочадцы редко заходили туда, чтобы не топтать палас, не прикасались к книжным шкафам, чтобы не заляпать полировку, и не сидели в креслах, дабы своими презренными телесами не губить красоту. Словом, Наденьке было не стыдно перед людьми. Об этом и мечтала простая советская радиомонтажница, выходя замуж за механика из автосервиса.

Работящая, ответственная, заботливая мать и верная жена, он была вознаграждена исполнением своей скромной мечты. И даже сверх того. Оборотистый и упорный Сергей стал «крутиться». Кручение набирало обороты, и за последние десять лет Сергей Панин из трудяги-автомеханика, ковыряющегося в машинах, постепенно превратился в хозяина автосалона и автомастерской, где в чужих иномарках ковырялись десятка два наемных

хлопцев. Наденька гордилась этим до слез. Но превращение Наденьки из простой советской жены в современную домохозяйку, жену небедного бизнесмена и мать двух талантливых отличников-гимназистов имело свои тяжелые последствия. Теперь Надежда стремилась к всестороннему совершенствованию как бытия вообще, так и своих близких в частности. Нынешнее положение своего семейства Наденька считала, по-видимому, высоким и весьма обязывающим. Со страхом обнаруживала она значительное несоответствие между тем, как должны вести себя люди высокого положения, и тем, на что семейство Паниных было способно в силу своего среднего образования и недворянского воспитания. К счастью, до известного мольеровского сюжета дело не дошло, но Наденька застыдила и задержала мужа и детей до такой степени, что Сергей в ее присутствии предпочитал молчать и не перечить.

Сейчас она, похоже, думала лишь о том, чтобы гостям хватило водки и закуски, и искренне беспокоилась о том, как отреагируют они на отсутствие в их компании ближайшего родственника покойного.

— Наденька, его же понять можно... — вступился Артем за Сергея. — Тяжело Сереге...

— Ай, Артем! — с еще большим раздражением отмахнулась Надя. — Ну что значит «тяжело»? Это мне тяжело: полсотни ртов напоить, накормить... А ему отчего тяжело? Он что, могилу своими руками копал?.. Вести себя не умеет...

Артем не стал с ней спорить, благо было это совершенно бесполезно. Иногда он искренне жалел Сергея. Артем всячески убеждал себя, что презирать Наденьку негоже, и кажется наконец убедил. Но выносить ее общество он все равно не мог. Он отправился к брату, который сегодня нашел в себе достаточно сил, чтобы наплевать на упреки жены и уединиться.

В просторной спальне было чудовищно накурено. На стуле у дивана стояли два стаканчика, ополовиненная литровая бутылка водки и переполненная пепельница. Сам Сергей нещадно дымил, сидя на широкой кровати. Вывернутый наизнанку пиджак был брошен рядом, галстук валялся на полу.

Сергей вскинул голову, молча кивнул, протянул руку, привлек Артема к себе, усадил его рядом, затянулся табачным дымом:

— Я уж и не ждал тебя.

— Прости, раньше я никак не смог. Самолет задержали...

— Я знаю, не оправдывайся.

— Как ты?

Полное лицо Сергея перекосила кривая усмешка:

— Сносно... Никого видеть не хочу. Девочки молодцы, хозяйничают там, поят всю эту банду. Избавили меня. Даже Надюша сегодня нудит поменьше... Мать вот тоже... Два дня еще держалась, а потом бряк, и все... — Сергей мрачно отмахнулся и стряхнул пепел. — В сознание пришла, но говорить не может. Парализована. Спасибо дяде, он в больнице все устроил, пока я похоронами занимался... — Сергей жадно затянулся несколько раз, провел ладонью по лбу, задумался о чем-то. — Хорошо, что ты пришел, Артем. Может, хоть ты меня напоить сможешь. А то я что-то лью в себя, лью, а ни в одном глазу...

Артем искоса оглядел сникшего брата, его землистое лицо, набрякшие веки. За ту пару месяцев, что прошли с их последней встречи, Сергей словно на несколько лет постарел. Но хотя от него крепко несло свежевывпитой водочкой, пьяным Сергей действительно не выглядел. Глаза его казались ясными и трезвыми.

— Что косишься? — хмуро взглянул Сергей. — Плохо выгляжу?

Артем молча положил руку ему на колено, потрепал легонько. Ему хотелось выспросить подробности случившегося, но момент показался неподходящим.

Сергей взялся за бутылку, немного плеснул в стаканы, передал один Артему.

Вроде бы в таких случаях полагалось что-то говорить. Артем уже рот открыл, но Сергей угрюмо покачал головой:

— Выпей и все. Ни к чему Володе наши поминальные речи...

Он одним махом опрокинул в рот свой стакан и, оставив его на стул, подождал, пока брат выпьет. С минуту оба сидели молча.

— Ну как такое может быть, а? Так, Артемка, не бывает, — тихо пожаловался Сергей. — Это все не по-людски. На той неделе он к нам на обед заезжал, а теперь, видишь, за упокой пьем. Бред...

Он цапнул бутылку, хотел было налить в стакан, но вдруг просто приник к горлышку и сделал большой глоток. Потом поспешно отставил бутылку и покачал головой:

— Свихнусь я, Артем, это точно...

— Когда это случилось?

— Во вторник.

— А что, собственно, произошло?

Сергей раздраженно взглянул на Артема, пустил в потолок густой клуб дыма и коротко сообщил:

— Убили Володю.

Артем молча ждал продолжения. Сергей вздохнул и добавил:

— Здесь. Прямо в подъезде, когда он домой возвращался. Поздно вечером. Душили какой-то проволокой. А напоследок голову проломали...

— Их поймали?

— Ну да, счас, — фыркнул Сергей и ткнул в край пепельницы докуренную сигарету. — Политиканов да авторитетов вон пачками стреляют, и никого еще не поймали. А ты хочешь, чтобы из-за Вовки кто-нибудь пошевелился... Дело, конечно, возбудили, и будет оно теперь висеть сто лет. Следователь уже сказал мне: глухарь. Сволочи...

— А ты не спеши. Четыре дня всего прошло. Может, разберутся, — попробовал Артем успокоить двоюродного брата. Но и сам он прекрасно понимал, что скорее всего никто ни в чем разбираться не будет.

Сергей вынул очередную сигарету, пощелкал зажигалкой.

— Не пьется, зато как курится!.. — пробормотал он. — Не сидел бы, так, наверное, задницей бы дым пускал... Будь другом, открой форточку.

Артем встал, раскрыл форточку, но она была слишком маленькой, чтобы хоть как-то проветрить помещение. Снаружи потянуло, однако, нешуточным холодом, и Артем с наслаждением вдохнул чистый воздух.

— Ты же только что с самолета? — спохватился Сергей. — Так иди к столу, может, эта банда еще не все подмела...

— Спасибо, обойдусь. А что там за люди? Я никого не узнал.

— И не узнаешь. Родня была, да вся разбежалась. Там сейчас с десятков ребят с моей фирмы подъедаются. Они мне здорово помогли со всей этой заварухой: гроб, могила, венки, транспорт. Пусть теперь расслабятся... Да еще эти... как их... аудиторы пришли, коллеги Володины. Десятка полтора. Страхделегаты, так сказать... Кучкуются там в разных углах... — Сергей положил сигарету на край пепельницы, встал с кровати и, сунув руки в

карманы, подошел к брату. — Дай и мне подышать...

Артем молча обнял его за плечи.

Они постояли немного. Артем рассеянно смотрел в окно, чувствуя, как принятый на пустой желудок алкоголь начинает действовать.

— Если б знать наперед... — горько проговорил Сергей.

— Ну что ты, Сережа, кто ж в состоянии такие вещи предугадывать?

— Ч-черт... — прошипел тот, встряхиваясь. — Нечего было с огнем шутить...

— О чем ты? — удивился Артем.

— Да так... — проворчал Сергей. — Доигрался...

Насколько Артем мог припомнить, Сергей всегда одобрял работу Владимира.

— Не понял. До чего он доигрался? — уточнил Артем.

— Не он, а я... — злобно буркнул Сергей. — Вот что, Артемка... Разговор у меня к тебе, причем серьезный. Ты как, еще в состоянии воспринять серьезный разговор?

— Вполне.

— Тогда сядем, а то меня ноги не держат... — усмехнулся Сергей, нетвердо направляясь к кровати.

Артем послушно придвинул свободный стул и уселся напротив Сергея.

— Володю, конечно, не вернешь. Это я осознаю... — задумчиво проговорил Сергей. — Но нужно это все как-то закончить. Понимаешь?

— Извини, не очень.

— Все просто. Я должен разобраться до конца. И мне нужна твоя помощь, Артемка, — тихо сказал Сергей. — И ты единственный толковый мужик, с которым я могу это обсудить.

— Я слушаю.

— Ну, слушай, — усмехнулся Сергей и снова сунул в рот сигарету. — Как бы меня не убеждали, что Володя просто случайно подвернулся кому-то под руку, это не так. Понял?

— Ну это только твои предположения.

— Слушай, когда тебе старшие говорят! — желчно бросил Сергей. — Если я говорю, я знаю. Какие-то подонки хотели убить Володю и сделали это.

— По-моему ты спешишь с выводами... — начал Артем, но брат скорчил такую нетерпеливую гримасу, что Артем замолчал и сдался. Надо было дать Сергею выговориться.

— Я и ментов, и эту самую, как ее... прокуратуру... в принципе понимаю. Им с Володией возиться не интересно. Времени это займет много, а ни славы, ни дивидендов им все равно не принесет. Это они только в кино такие шустрые, умные, неподкупные... — Сергей схватил бутылку и плеснул в свой стакан. — Так что им это ни к чему, не интересно. А мне к чему. Мне это оч-чень даже интересно... Я тебя, Артемка, потом напою, ладно? Слушай меня пока на трезвую голову...

Проглотив водку и даже не поморщившись, Сергей снова взялся за курево и взглянул на брата ясно и сосредоточенно:

— Так вот... Как считаешь, станет случайный бандюга набрасываться на незнакомого молодого парня, рискуя получить по зубам? Не на бабульку с клюкой, не на одинокую девчонку с золотом в ушах, а на молодого трезвого мужика?

— Все бывает, Сережа, — пожал плечами Артем. — Если у наркомана какого-нибудь крыша съедет, он запросто один против танка поперет, не то что на парня в подъезде набросится...

— Ага, наркоман, как же. У Володи пропала его папка с документами и газовый

пистолет. Ну, допустим, пистолет — неплохой улов, загнать можно. Но документы-то наркоману зачем?

— Может быть, грабители рассчитывали, что в папке деньги.

— Брось, Артем. Деньги не носят в папках для документов, — Сергей грустно усмехнулся: — Деньги у Володи так и остались во внутреннем кармане... Кому-то нужны были его документы. Так что вся эта история проистекает из того, чем Володя на работе занимался... И мне нужно знать, что это были за бумажки. Если я это узнаю, я найду тех, кому они понадобились. Ну и так далее.

— Логично. И в чем заминка?

— А в том, что ни одна собака не хочет ни слова сказать о том, во что Володя влип в своей чертовой фирме, — угрюмо насупился Сергей.

— Так ты, наверное, не тех спрашивал.

— Его начальника я спрашивал, — пояснил Сергей. — Кому, как ни ему, знать, кого его подчиненный проверяет... А он мне так категорически заявил: все у Вовки было в порядке, никаких проблем, никаких нареканий, и, дескать, этот несчастный случай никакого отношения к работе не имеет... Попробовал с ребятами из его отдела поговорить. Плечами пожимают и поют в один голос, что никаких проблем не было.

— Ты извини меня, Сережа, но это очень похоже на правду, — осторожно заметил Артем. — Видишь ли, старик, консультант-аудитор — это не налоговый инспектор, который должен схватить нарушителя за руку. Аудитор — это тот, который за деньги помогает бизнесмену вовремя исправить ошибки, чтобы все были довольны. Аудиторов не убивают, Сережа. Им платят, чтобы получить услугу.

Сергей сверкнул глазами:

— Согласен. Похоже... Но тем не менее Володя влез во что-то.

— Во что-то такое, за что его решили задушить? — Артем на секунду задумался. — Кроме шантажа ничего в голову не приходит. Но Володя не был настолько глуп, чтобы заниматься ерундой. Он что-нибудь тебе говорил?

Сергей ответил не сразу, немного поерзал на кровати, потом раздраженно пояснил:

— А мне не надо говорить. Я и сам не слепой. В последнее время он вел себя странно. Он, как ты знаешь, гордый мальчик... Да и упрямый... Не хотел меня слушать... — постепенно голос Сергея совсем затих, но через секунду он встрепенулся: — Короче! Меня больше устраивает моя версия, и другого объяснения мне не нужно. Я все это так не оставляю. Мне бы только увидеть эти документы...

— Здрасьте, — изумился Артем. — Во-первых, с чего ты взял, что в Володиной папке вообще было что-то стоящее внимания? Во-вторых, если ее все равно стащили, где ты считаешь взглянуть на эти документы? И я не понимаю, чем я могу тебе помочь.

— Артем, все просто... Ты бывал в его фирме?

Артем покачал головой:

— Не было причины там бывать.

— Жа-аль, — протянул Сергей. — Ну да ничего... Видишь ли, я из тебя хочу сделать своего лазутчика.

— Кого? — удивился Артем.

— Секретного агента. Разузнай для меня хоть что-нибудь существенное.

— Сереженька, тебе бы... — начал Артем и запнулся.

— Проспать? Ты это имеешь в виду? — пьяно засмеялся Сергей.

— Да, проспаться тебе не помешает. Я не Джеймс Бонд. И даже не Шерлок Холмс. Я бухгалтер, Сережа.

— Именно, — кивнул Сергей и загадочно улыбнулся. — Но ты не простой бухгалтер, Темка. Ты молодой, умный и красивый бухгалтер мужского пола.

— Ну и что?

— А то, что у Володи, как я выяснил, был службный роман. Он несколько раз вскользь упоминал о том, что у него там какая-то пассия завелась. И похоже для него это было очень и очень серьезно. Он возмужал прямо на глазах... Думаю, это многое может нам дать. Ты просто займись его женщиной, и этого, наверняка будет достаточно... Когда она поверит, что ты любил Володю и хочешь внести ясность, она расскажет тебе все, что они обсуждали между приступами страстной любви...

Во второй раз советовать Сергею проспаться было так же бесполезно, как и в первый.

— А почему ты сам не хочешь ею заняться? — на всякий случай спросил Артем.

— Я разве сказал, что не хочу? Это я всегда не прочь. Но я ведь... — Сергей красноречиво развел руками. — Я ведь мужик неотесанный, Мопассана не читал. А та дамочка, если уж Володя на нее запал, всяк не чета моей Надюхе. Кошельком потрясти я, допустим, смогу, но на черта ей мой кошелек? На порог своей изысканной души образованная дамочка меня не пустит, это к бабке не ходи... А на тебя липнут женщины, как на мед. Ты же у нас с малолетства сердцеед. Утешь даму, если в том будет нужда, да и расспроси. Ведь в конце концов, тебе и душой-то кривить не придется. Володя тебе не чужой был... Договорились?

— Как ты это представляешь себе? — пожал плечами Артем, но поняв, что при всем пьяном безумии Сергей кое в чем прав, он просто кивнул: — Хорошо, договорились. Она сейчас здесь?

— Нет. На кладбище мне ее показали, а сюда она не пошла.

— Не пошла? Это странно. Хоть как ее зовут?

— Зовут?... Зовут... Как-то зовут... Спьяну враз и не вспомнишь... — забормотал Сергей, хлопая себя по карманам. — Сейчас, у меня записано...

Он схватил свой пиджак и принялся копаться в нем. Его руки не попадали в карманы, он приглушенно ругался, завертел пиджак, отовсюду посыпались на пол ключи, зажигалки, какие-то мелочи.

— Черт, в машине, наверное, оставил эту бумажку... — подытожил Сергей, перевернув все и ничего не найдя. — Утром поищу и позвоню тебе...

Открылась дверь в спальню, вошел несколько подвыпивший мужчина, вежливо встал поодаль и даже чуть поклонился:

— Сергей Палыч, развозка приехала... «ПАЗик». Все поместятся...

— Спасибо, Евгений. Иду, — отмахнулся Сергей и попробовал встать. — Все, Артем, сейчас будем эту банду по домам развозить. А Надя меня домой сама доставит. Они со Светланой сегодня трезвые и деловые...

Сергей, несомненно, нуждался в помощи. Ноги его совсем не держали. Артем помог Сергею натянуть на плечи пиджак, наскоро подобрал с пола и опустил в его карман упавшие вещи, сунул туда же галстук.

— Сережа, ты как? Может, мне с тобой поехать?

— Да брось... Надюша коня на скаку остановит, а меня до койки дотащить — это ей раз плюнуть и два взвизгнуть... — промычал Сергей, но вдруг спохватился: — Слушай, здесь

ведь такой свинорой остается... Ты ночевать где собирался?

— У родителей, естественно.

Сергей почесал подбородок:

— Слушай, Артем, не в службу, а в дружбу... Заночуй тут. Девочки обещали основную грязь подобрать. А ты завтра утречком посуду потихоньку перемоешь, мебель на места расставишь...

— Конечно, о чем разговор? — вздохнул Артем. Идея остаться за ночного сторожа и посудомойку ему не очень нравилась. Но сейчас это было, пожалуй, единственное, чем он мог помочь Сергею.

Сквозь сон Артему показалось, что совсем рядом он слышит чьи-то шаги. Проснувшись, он приподнялся на локте, прислушался. Но паркет больше не скрипел, и Артем со вздохом откинулся обратно на подушку. После такой ночи еще не то почудится...

С отвращением Артем вспомнил, как помогал вчера выпроваживать восвояси гостей. Он всегда считал, что напиваться на поминках до непотребного состояния — это совершенно непростительное хамство. Впрочем, многие из вчерашних гостей были особями простейшими, как амебы, иного от них и ждать было нечего. Артем помог хлопцам Сергея перекидать тепленьких аудиторов в автобус и вернулся в квартиру, где царил удручающий разгром.

Только за полночь, когда Артем выкинул в мусоропровод последнюю грязь, растащил по местам столы и составил штабелем табуретки, взятые напрокат у соседей, квартира приняла более менее знакомый вид. На сотню разнокалиберных тарелок сил Артема уже не хватило. Подготовив себе фронт работ на утро, он, не раздеваясь, завалился на широкую кровать в спальне и уснул.

Спалось ему не то чтобы плохо, но несколько раз за ночь Артем просыпался неизвестно от чего, ворочался и снова засыпал с тяжелым сердцем. Пробуждение тоже не доставило ему радости, хотя в окно шестого этажа всю светил солнце.

С тех пор, когда Артем бывал здесь частым гостем, прошло немало лет, и комната изменилась до неузнаваемости. Когда-то эта была детская. Вдоль стен стояли узкие подростковые кровати, а для Артема, когда ему случалось ночевать здесь, из кладовки вынималась раскладушка. Артем обожал и тетю, и двоюродных братьев, и даже раскладушку. Эта квартира всегда была для него вторым домом, хотя он всегда понимал, что родители относились к его визитам сюда с явным неудовольствием. Похоже, они опасались, что общение с родней испортит их мальчика.

Савелий Васильевич Николаев, отец Артема, был большим человеком. И считал свою сестру Зою женщиной несчастной, никчемной и беспутной. Замуж она вышла очень рано. Ее мужа, Павла Панина, Артем не помнил. Тот разбился на своем самосвале, когда Артем был совсем маленьким, а Сергею исполнилось шесть. После этой трагедии личная жизнь тети Зои никак не хотела налаживаться. Но она не оставляла надежды на счастье, и как живое доказательство такой надежды на свет появился сначала Володя, а под занавес бабьего лета — Гошка. Оба младших Панина отцов своих не знали, хотя отцы эти наверняка происходили с той самой автобазы, где тетя Зоя всю жизнь отработала диспетчером.

Словом, сестра ужасно раздражала Савелия Васильевича своей непутевостью, своей неразборчивостью и особенно своей плодовитостью. Если к старшему племяннику Савелий Васильевич относился нормально и даже принимал живое участие в его судьбе, то Володе от дядюшки благ перепало куда меньше. Ну а при виде Гошки Савелий Васильевич до сих пор скрипел зубами.

Артем был единственным ребенком в семье, поэтому общение с двоюродными братьями было ему отрадой. Он любил попадать в их шумную компанию, где даже несмотря на постоянные ссоры и взаимные тумаки было весело. Здесь можно было и поиграть с мечтательным выдумщиком Вовкой и обсудить с деловитым и практичным Сергеем разные разности. Знали бы родители, на какие животрепещущие темы беседовал с Сергеем их

ненаглядный Артему, какие практические советы получал он в теткинском доме, путь в эту квартиру был бы Артему заказан навсегда... Но к счастью, родители ничего лишнего не знали, и детство Артема прошло в компании с братьями Паниными почти безмятежно.

Воспоминания совсем расстроили Артема. Он лежал и смотрел вверх, на полосы солнечного света, лежащие на потолке, и пытался поразмышлять о том, что за кошмарные дела происходят на этом свете.

Володя никогда больше не придет домой.

В это верилось с трудом.

Импульсивный, иногда излишне раздражительный Володя в последнее время редко встречался с Артемом. Он с некоторых пор виделся с родней от случая к случаю, хотя практически никогда ни с кем не ссорился. Он прекрасно жил сам по себе, и Артем не был в числе тех, к кому бы Володя обратился за помощью в первую очередь.

На его памяти Володя вообще редко просил кого-нибудь о помощи. У него мало что получалось с первого раза, но он был редким упрямым и все норовил осилить сам. Поэтому если бы с ним приключилась скверная история, он скорее всего испробовал бы прежде все возможные способы решить проблему без посторонних. Ну а если бы ничего не вышло, он обратился бы в первую очередь к Сергею.

Однако раз до этого еще не дошло, стало быть, Володя не видел в своей проблеме ничего страшного или неразрешимого. Если вообще такая проблема существовала. В самом деле, что за грандиозный криминал может быть в сфере аудиторских услуг? Есть, конечно, вариант, что Володя добыл у кого-то из клиентов бумаги, содержащие серьезный компромат, и пытался воспользоваться этим для поправки своего материального положения... Теоретически возможно, но Володя не годился на роль коварного шантажиста.

Артем не видел ничего подозрительного в том, что случайный, наверняка наколовшийся или нанюхавшийся грабитель прибил первого встречного и унес все, что увидел, а до денег не добрался только потому, что не вовремя открылась дверь какой-то квартиры. Так оно, скорее всего, и было. Хотя, конечно, для пущей ясности не мешало бы разузнать хорошенько о последних событиях у Володи на работе.

Артем готов был заняться этим не столько ради Владимира, которому теперь было уже все равно, сколько ради Сергея.

Сергей был старше Владимира на двенадцать лет. А учитывая, что отца своего Володя никогда не видел, все мужское воспитание было им получено от старшего брата. Сергей был мужик суровый, грубый, с младшими не нежничал и особенно не церемонился, но никогда не выпускал их из-под своего надзора. К Гошке Сергей относился, как к недоразумению, которого, увы, не избежать и от которого, к сожалению, не избавиться. Но с Володей Сергей всегда возился с явным удовольствием, потому что любил, когда его старания имеют успех.

Володя был одним из успехов Сергея. Именно Сергей заставил Володю поступить в институт. Он склонил братишку выбрать экономический факультет. Приглядывал, все ли ладно. Брал на себя все денежные вопросы, пока тот учился. Наконец, Сергей купил для матери дом в деревне недалеко от Алексашина и уговорил ее переселиться туда с Гошкой. Квартира осталась в распоряжении повзрослевшего Владимира. Словом, Володя всегда был для Сергея скорее старшим сыном, чем младшим братом. Горе Сергея, его нетерпение и отчаяние можно было понять.

Артем покосился на часы. Если он не хотел застрять в Володиной квартире до вечера, следовало подняться, позавтракать остатками закуски из холодильника и вымыть посуду.

Он не спеша принял вертикальное положение, спустил ноги с кровати, надел ботинки и принялся за шнурки, как вдруг с кухни послышался звон бьющейся посуды.

Артем замер, прислушиваясь. Крыса? Никогда в этой квартире они не водились.

Торопливо разобравшись со шнурками, Артем вскочил на ноги, подошел к двери и приоткрыл ее.

В кухне из крана лилась вода, и слышалось приглушенное позвякивание, словно кто-то ворошил осколки.

Артем постоял и послушал, как некто неизвестный смел осколки в совок, а затем стряхнул их в ведро.

Артем осторожно прошел по коридору и остановился в дверях кухни.

У мойки стояла стройная женщина в бордовом свитере и узких светло-бежевых джинсах. Ее каштановые волосы были острижены коротеньким ежиком. То ли льющаяся вода заглушала для нее все звуки, то ли женщина была слишком поглощена своими мыслями, но шагов Артема она не услышала.

Он не знал эту женщину. Не было среди его родни и знакомых стриженной особы с такой соблазнительной попкой. А если учесть, что она проникла в квартиру без проблем, воспользовавшись своим ключом, то Артем мог сделать только один-единственный верный вывод: фигуристая дама в джинсах была последней любовью покойного Володи.

Не слыша ничего вокруг, женщина продолжала медленно и методично обрабатывать под струей тарелку за тарелкой.

— Так вот кто скрипел половицами... — негромко произнес Артем.

Женщина вздрогнула, выпустила из рук тарелку и резко обернулась.

В ее темных глазах Артем прочел неподдельный ужас.

— Я прошу прощения... — развел руками Артем. — Кажется, я вас напугал. Извините.

Она молчала и все смотрела на Артема, не отрываясь. Глаза ее вдруг широко раскрылись, и ужас в них почти мгновенно сменился изумлением:

— Это ты?..

— Это я, — подтвердил Артем. — С кем имею честь?..

Она смотрела на него как-то странно, строго и с досадой, словно присутствие Артема напрочь разрушило ее планы.

Артем вдруг понял, что знает ее. Вернее, знал. Но его словно заклинило, и он никак не мог понять, кто же она.

Что же не так? Волосы? Мальчишеская стрижка несомненно делала ее моложе.

Но не только это мешало мыслям Артема обрести ясность. Глядя на аккуратную фигурку, он не мог отделаться от мысли, что его кто-то морочит. Раньше эта женщина была другой.

Да, несомненно. Он знал ее другой.

— Чтоб мне провалиться... Марина? — пробормотал Артем.

Все встало на свои места. Все намеки и недомолвки, все обрывки информации, все воспоминания.

Конечно, раньше она была другой. В самом прямом смысле. Неловкая, смешная пышнотелая девица, с туго заплетенной косой и толстыми румяными щечками, которые со спины видать было. Словом, не добыча. Так, очаровательное в своем роде недоразумение. Обычно мужчины таких замечают лишь тогда, когда появляется серьезная опасность остаться на всю жизнь бобылем... Артему такая опасность и сейчас еще не грозила, а уж

тогда, десять лет назад, тем более. И он до сих пор не мог понять, почему он тогда клюнул на толстушку Марину Казакову.

Теперь Артем вряд ли прошел бы мимо, не заметив ее. Но это была уже совсем другая женщина.

— Я не ожидала, что здесь кто-то окажется, — произнесла она и, отвернувшись, отключила воду.

— Так... Я тоже не ожидал, что сюда кто-нибудь заявится... — Артем все еще не мог прийти в себя. — Почему... Почему тебя не было вчера? Мне сказали, что на кладбище ты была.

— Тебе сказали? — брови Марины удивленно взлетели. Она сложила руки на груди и сухо уточнила. — А почему вдруг кому-то вздумалось доложить тебе об этом? Какое отношение ты имеешь к Володе?

— Мы с ним двоюродные братья.

— Боже ты мой... — вырвалось у нее. Ее губы задрожали, и она поспешно склонила голову.

— Так почему ты не пришла сюда вчера? — снова повторил Артем. Ему почему-то очень хотелось услышать недвусмысленный ответ.

— Мне нечего было делать с чужими людьми, — она легонько пожала плечами и немного отвернулась. Теперь Артем видел ее профиль. Она нервничала, хотя довольно умело скрывала это.

— С чужими людьми? Но здесь было много твоих коллег.

— Коллеги тоже могут быть чужими, — отозвалась она.

— Ах да, конечно... — скорее машинально согласился Артем. — Ты пришла сюда посуду помыть?

— А почему это тебя интересует? — холодно проговорила она, совсем отворачиваясь.

— Потому что я здесь оставлен именно для этого.

— Тогда я не буду отбирать твой хлеб, — она пожала плечами, помолчала немного, потом решительно тряхнула головой: — Всего хорошего. Я пойду.

Она прошла мимо Артема в коридор.

— Марина, погоди! — растерянно крикнул он ей вслед.

Она остановилась и оглянулась через плечо:

— Что?

— Тебе не обязательно уходить. Я понимаю: ты ведь к Володе пришла...

Она снова отвернулась, пряча лицо.

— Ты мне не мешаешь, — добавил он.

— Спасибо, — резко отозвалась Марина. — Только вот незадача: ты мне мешаешь. Уже помешал.

— Тогда я сожалею, что испортил тебе настроение! — раздраженно бросил Артем.

— Настроение? — удивленно протянула она.

Артем встретил ее странный строгий и презрительный взгляд.

— Настроение? — повторила Марина. Ее губы снова предательски дрогнули, но она крепко сжала их и отвернулась.

— Господи, я совсем сошел с ума! — ужаснулся Артем. — Прости меня, пожалуйста! Марина, мне правда неловко!.. Понимаешь, родственники попросили меня прибраться. А то заняться этим сейчас совсем некому... Ну то есть, никто, конечно же, не мог знать, что ты

здесь появишься...

Он подошел и осторожно положил руки ей на плечи:

— Я несу какую-то чушь собачью, но обидеть тебя я не хотел. Извини. Что-то я сначала говорю, а потом думаю...

Марина отстранилась.

— О, в этом ты несколько не изменился, — обронила она.

В ее голосе чувствовалось снисхождение. И он с изумлением понял, что рад этому снисхождению.

Марина помолчала, потом глянула на чужую мебель в комнате и жестко распорядилась:

— Я вернусь на кухню, а ты обзвони соседей по площадке, пусть сами опознают свои табуретки. И проветри спальню, даже сюда тянет табаком.

Она отправилась на кухню, а Артем молча уставился ей вслед.

Да, теперь она точно была другая.

* * *

У Марины Казаковой было тяжелое детство.

Ей достался груз, который не каждый в силах пронести на своих плечах через юные годы.

Начать нужно с того, что она никогда не ходила в детский садик. Родители тщательно оберегали малышку от тлетворного влияния нездорового детского коллектива.

В четыре года Мариночку научили читать и вычислять в пределах десяти. В пять лет она уже писала под диктовку и складывала двухзначные числа в уме. На вступительном собеседовании в первый класс английской спецшколы толстенькая девочка с косичками повергла комиссию в изумление, бегло и без запинки прочитав газетный текст и перемножив числа столбиком.

С самого первого класса Мариночка была записана судьбой в хронические отличницы.

Звание было обязывающим. За временное несоответствие этому званию родители обливали ее негодованием, учителя — упреками, сверстники — насмешками. И она неустанно трудилась, дабы никого не разочаровать. Пятерки в ее тетрадках были слегка разбавлены редкими четверками. И все знали, что если Казакова не могла справиться с заданием, это значило, что с ним не справится никто из трех параллельных классов.

Родители гордились Мариночкой и не уставали говорить ей об этом. В мечтах они видели дочь в каком-нибудь исследовательском институте в роли кандидата каких-нибудь уважаемых наук, и считали что до осуществления этой мечты им осталось совсем немного, потому что их воспитанная и неиспорченная девочка не помышляет о всяких глупостях, а прилежно учится и думает о будущем.

Что ж, родители были правы. Они добились своего.

Марина действительно не помышляла о глупостях.

Она была послушна и покладиста, потому что рано поняла, что ее протесты по любому поводу удовлетворению не подлежат.

Она смирялась с родительскими требованиями, не задумываясь над их глубинным смыслом. А зачем? Все равно никто не снисходил до объяснений.

Она дружила только с воспитанными девочками-хорошистками. И девчачьи секреты и

тайны подружек-кумушек не выходили за дозволенные родителями рамки.

Она никак не могла понять, над чем же гогочут ее сверстники, когда шепотом рассказывают друг другу «взрослые» анекдоты. Она знала, что те звучные словечки, которыми одноклассники переругивались между собой, есть не что иное, как грязные неприличности, но она не знала точного значения этих слов.

Она терпеливо мучилась со своей косой, не желая стричься, потому что верила, что у девочки должны быть длинные волосы.

Она гордилась тем, что не подмазывает ресницы касторовым маслом, и не собиралась никогда пользоваться косметикой, потому что это вульгарно и совершенно ни к чему.

Словом, Марина Казакова росла хорошей девочкой.

Она любила читать. Она проглатывала наивные в своей высокоморальной мудрости книжки и мечтала. Она мечтала о счастье, которое, согласно книжкам, непременно должно найти ее просто потому что она хорошая девочка. Довольно долго Марина всерьез полагала, что раз она послушна, умна, начитанна, хорошо воспитана, значит все у нее непременно само собой великолепно сложится.

Она мечтала, когда придет срок, влюбиться в достойного юношу, и чтобы они стали друг для друга непременно первой и единственной любовью.

Марина не позволяла себе вздыхать по тонкошеим пацанам с прыщавыми щеками, которые втихаря курят за школой, плюют сквозь зубы и посылают тебе в спину всякую нецензурщину. Зачем размениваться на такое убожество? В свой срок непременно встретится на ее пути тот, кто не только красив и загадочен, но еще умен и великодушен. Он, ее избранник, не будет оценивать длину ног и толщину талии. Лишь взглянув на Мариночку, он поймет, какое перед ним сокровище. Только такому человеку, способному оценить хорошую девочку Марину Казакову, она собиралась отдать свою любовь.

Такие идиотские иллюзии одолевали Марину лет до шестнадцати.

Возможно, бог умом ее действительно не обидел, потому что постепенно она стала понимать, что реальная жизнь тоже чего-нибудь да стоит. И что она, Марина, совершенно в эту жизнь не вписывается со своими книжными грезами.

Это в мечтах своих она была неустрашимой дерзкой амазонкой, уносящей на своем лихом коне то одного, то другого красавчика. Но при ближайшем рассмотрении Марина видела в зеркале невысокую круглолицую девчонку с пухлыми щеками, полногрудую и широкобедрую толстушку, что была раза в два крупнее среднестатистической старшеклассницы.

Марина, наконец, призналась себе, что не хочет, чтобы и ее портфель кто-нибудь понес после уроков. Конечно, не все одноклассники были этого достойны. Но не тут-то было, претендентов не находилось никаких, ни достойных, ни недостойных.

На дискотеках она танцевала в общем кругу с подружками-кумушками, а во время медленных танцев пыталась не показать зависть к тем, кто топтался в обнимку. Она внушила себе, что презирает это смешное парное топтание, но у нее даже не было возможности отказом продемонстрировать это презрение, ибо ее никто не приглашал. Успехом у одноклассников пользовались бойкие стройные девчонки, умевшие пользоваться тушью для ресниц, не забывавшие вовремя хохотнуть и завернуть непечатное слово.

Никто не спешил проявлять к Мариночке тот интерес, которого, по ее мнению, она была достойна. Нет, парни-сверстники вовсе не чурались ее. Они охотно беседовали с ней о том, о сем, по привычке списывали задания, обращались с вопросами по учебе. Этим все

ограничивалось. Никого не интересовало то, что она хорошая девочка с богатым внутренним миром, в котором бушуют страсти-мордасти...

Невелика оказалась плотность принцев на квадратный километр. Оставалось терпеливо ждать.

В институт Марина поступила играючи. Ее блестящий аттестат сослужил ей неплохую службу в огромном конкурсе на престижный экономический факультет.

Ее захватила не столько учеба, поскольку в самом предмете изучения она ничего увлекательного не находила, сколько совершенно новый уклад студенческой жизни. Домашняя девочка, не видевшая доселе ничего, кроме школьных парт, учебников и библиотечных полок, открыла для себя довольно обособленный, шебутной и неунывающий мирок, где все делалось гуртом, а значит любой мог присоединиться к коллективу.

Экономический факультет технического вуза был настоящим цветничком, где на двадцать девушек попадался один представитель сильной половины человечества, да и тот непременно с каким-нибудь внешним или внутренним изъяном. Правда, Марину это не особенно печалило. Она охотно принимала участие во всех факультетских мероприятиях, перезнакомилась со множеством ребят и девушек, и довольно быстро нашла себе шумную разношерстную компанию.

А в начале зимы она повстречала его.

Сначала, конечно, Марина даже не подумала о том, что это именно он.

Опаздывая на лекцию, она спешила по длинному притихшему институтскому коридору. Он вышел из какой-то аудитории и, закинув на плечо спортивную сумку пошел навстречу Марине, тоже торопясь по каким-то своим делам.

Бывают мужчины, на которых просто-напросто останавливается взгляд. Причем они вовсе не обязательно красавцы. Просто их невозможно не заметить, не выделить в толпе. В них есть что-то завораживающее.

В том парне цепляющего было в избытке.

У него были странные волосы, светлые, почти белые, а брови и ресницы довольно темные.

Он двигался слегка вразвалочку, чуть покачивая плечами. Это была вкусная походка, от которой не хотелось отводить глаз.

Рукава его джемпера были завернуты до локтя, приглашая оценить красивые сильные руки. Легкая небритость, длинные крепкие ноги, длинная белая челка над темными бровями...

Они прошли друг мимо друга. Марина инстинктивно выпрямилась и приосанилась, но он даже не покосился в ее сторону.

В следующий раз Марина увидела его перед самым Новым годом, когда в актовом зале институтского общежития состоялась предпраздничная дискотека.

Парень был одет с подчеркнутым шиком. Видимо, совершенно не стесняясь того, что его наряд будет разительно отличаться от поседевших джинсов и бывалых свитеров, он надел брюки с безупречными стрелками и полосатую рубашку с галстуком.

Оказалось, что его знали абсолютно все. То и дело его трясали, теребили, звали с разных сторон. Он не танцевал, не дурачился, не участвовал в идиотских конкурсах, потому видимо, что на это у него просто не хватало времени.

Марина присела в уголок, из которого ей хорошо виден был весь зал, и просто наблюдала за ним. Теперь она видела, что он на несколько лет старше ее, что двигается он

неторопливо, будто осторожно, но удивительно грациозно, и что улыбается он мало, чаще просто слушает, внимательно изучая собеседника. Ей нравилось исподтишка смотреть на него. Этот объект был достоин ее внимания.

— Маринка, ты куда устави́лась? — однокурсница Танюша Мелехина плюхнулась рядом на стул, облизывая пересохшие губы. — Фу, духота... Ты что как замороженная? А, ясно. На Артемушку глаз кладешь?

— Кто это? — смутилась Марина.

— Да вот тот самый, которого ты уже битый час ешь глазами, — ответила Танюша. — Славный хлопчик, ничего не скажешь... Это Артем Николаев, с четвертого курса. На него все девчонки западают.

— С какого он факультета? — равнодушно спросила Марина.

— С нашего.

— Не может быть!

Танюша понимающе хмыкнула:

— Я сначала сама не поверила. Наши недоделанные экономические мужичонки ему в подметки не годятся...

С этим Марина была полностью согласна.

Танюша приехала в Питер откуда-то из глубинки, жила в общежитии и знала все про всех. Она тут же второпях поведала Марине, что Артем Николаев — мечта любой женщины, но что он разборчив и далеко не каждую удостаивает своим вниманием. Уже целые моря девичьих слез растекаются по институту из-за чернобрового блондина. Узнала Марина и то, что Николаев — сын директора какого-то немаленького завода, и что живет он на загородной даче, откуда каждый день ездит в институт на электричке.

— Между прочим, — добавила Танюша, собираясь снова броситься туда, где на головах танцующих плясали беспорядочные пятна от цветомузыкальной установки. — Тут кое-кто из наших собирается к Николаеву на дачу Новый год встречать... Если хочешь присоединиться, то с тебя палка докторской и буханка хлеба.

Марина согласилась, не раздумывая.

Тридцать первого декабря она повстречалась в условленном месте с Танюшей Мелехиной, и подружки вдвоем дотащили до вокзала сумку с закупленной провизией. Там они влились в галдящую толпу знакомых и незнакомых личностей, числом около двух десятков, каждый из которых добросовестно принес порученные ему покупки, и забрались в промерзший вагон электрички.

Через час они прибыли в весьма цивилизованный поселок, где добротные деревенские дома и красивые дачи утопали в сугробах в окружении заснеженных елей и промерзших кустов сирени.

Владения Артема Николаева превзошли все ожидания. Это был большой новый двухэтажный коттедж, настоящая директорская дача. Марина такие только в кино видела. Первый этаж почти полностью был занят холлом с двумя каминами и двумя лестницами на второй этаж. В холле в художественном беспорядке стояли диваны и кресла, образуя маленькие обособленные уютные уголки...

Насладиться этим великолепием Марина не успела. Компания с воплями ввалилась в дом, с восторгом расположилась в холле, загремела музыка, девушки сразу же оккупировали просторную кухню и занялись продуктами.

Артем по-хозяйски подготовился к приему гостей. Посуды, музыки, выпивки и сигарет

было вдоволь. Из кухни были вынесены в холл два стола, и к вечеру все было готово. Голодная компания набросилась на салаты и котлеты, разогрелась спиртным и закуролесила, провожая старый год.

Марина тоже выпила. Она нечасто пробовала вино и пила понемногу, потому что пронзительная горечь портила ей аппетит вместо того, чтобы возбуждать его. Но одного бокала какой-то кислятины хватило, чтобы голова у Марины закружилась, а ноги почему-то стали немного заплетаться на ровном месте. Марина сама не заметила, как подчинилась всеобщему сумасшествию.

Сначала она весело отплясывала в холле вместе со всей толпой. Она стараясь держаться поближе к Артему. Но он обращал на Марину не больше внимания, чем на какую-нибудь мебель: осторожно обходил, чтобы не наступить ей на ногу. И это было так досадно!

После того, как часы пробили двенадцать, вся компания, выпив за Новый год, выбежала на улицу. Постреляв немного хлопущками, студенты с визгом и восторгами принялись играть в снежки. Снежный комок, пущенный рукой Николаева, попал Марине прямо в ухо и развалился, залепив полголовы. Было больно, но Марина получила вполне достойную компенсацию: Артем подскочил, прошептал извинения, чмокнул в щеку, сам отряхнул снег с ее плеча... Правда, он тут же забыл и о происшествии, и о его виновнице и бросился в новую атаку. Но к Марине вернулось отличное настроение.

Потом, уставшая и разомлевшая, она долго сушила у камина промокшую косу и опустошала понемногу кем-то заботливо подсунутый бокал с вином.

Осмотревшись, она обнаружила, что холл заметно опустел. Подвыпивший народ парочками разбрехался в разные стороны, поднимаясь наверх, и не спешил оттуда возвращаться. Куда-то исчезла и Танюша Мелехина, и все остальные знакомые девчонки. Никто не позвал Марину с собой, и она почувствовала себя обиженной. Ей хотелось снова веселиться вместе со всеми...

Она наскоро заплела еще влажные волосы и, поднявшись с кресла, побрела к лестнице. Ноги плохо ее слушались, однако они быстро подняли ее на второй этаж, где в широкий просторный коридор выходило несколько одинаковых дверей. Все это немного напоминало гостиницу, но гостиницу довольно оживленную и веселую. Отовсюду слышался немного приглушенный дверями хохот и повизгивания, кто-то громко топал, кто-то уронил и разбил бутылку. Марина толкнула первую же попавшуюся дверь, вошла и остановилась замешательстве, пытаясь разглядеть в темноте хоть что-нибудь...

То, что она увидела, ей не понравилось. Посередине маленькой темной комнаты она разглядела Танюшу Мелехину. Подружка стояла спиной к двери. Ее расстегнутая блузка, все еще заправленная в джинсы, свисала сзади до пола, и какой-то парень, лица которого Марина так и не разглядела, обнимал Танюшу и нетерпеливо дергал застежки ее бюстгалтера. Парочка врасос целовалась и была настолько поглощена процессом раздевания, что не сразу отреагировала на открывшуюся дверь. Ощувив все же чужое присутствие, Танюша лениво и возмущенно пискнула, а парень грозно заворчал что-то, и Марина стремительно выскочила, захлопнув за собой дверь.

Она бросилась к лестнице, сбежала в холл, не представляя, что теперь делать. Ей было ужасно неловко во-первых за то, что она помешала этим двоим, а во-вторых за то, чем эти двое вздумали заниматься...

— Что-о-о случилось?! — раздался рядом с Мариной насмешливый мужской басок. — Что такая невеселая?

Марина отшатнулась от едва держащегося на ногах субъекта. Она не знала этого парня, это был, видимо, кто-то из друзей Николаев. Имя его Марине было ни к чему, она не собиралась развлекаться беседой с этим противным пьяным парнем, от которого несло не только вином, но и кое-чем покрепче.

— Как там тебя? Маша, что ли? — неуверенно ухмыльнулся он. — Скучаешь?

— Нет! — буркнула Марина, отворачиваясь.

— Скуча-а-аешь! — развязно констатировал парень. — Что, никто в «нумера» не пригласил?

Марина почувствовала, как у нее вспыхнули щеки.

— Меня вот тоже не пригласили, — развел руками парень и весело подмигнул. — Ну и шут с ними, мы и сами с усами... Подружимся поближе?

Она рванулась в сторону, но парень расставил руки, пытаясь поймать ее, и причмокнул влажными губами:

— Куда, куда, детка?.. Что ты такая дикая? Я ж тебя не съем...

— Отстань! — прошипела Марина и бросилась через холл в надежде, что парень поленится тащиться за ней следом. Но несмотря на подпитие он оказался ловок и подвижен. В три прыжка догнав Марину, он схватил ее за плечо, с силой развернул к себе и поймал в крепкие объятия.

— Попалась!..

Марина напряглась, пытаясь разорвать эти цепкие, очень сильные руки, и парень обиженно крикнул:

— Ну что ты ломаешься, дура?

Марина попыталась ударить его по плечам, но он прижал ее еще сильнее. И она жалобно взвизгнула.

— Мишка, ты что вытворяешь? — раздался за Марининой спиной негромкий голос Николаева. — Не видишь, девушка не расположена?

— Что это я вытворил, интересно? Да я еще никоим местом не шевельнул! — возмутился парень.

— Руки убери!.. — приказал Артем, подходя.

Парень послушно разжал руки, Марина с силой оттолкнула его от себя. Мишка с удивлением буркнул:

— Ты подумай, а матрешка-то с характером...

— Иди проспись, — хмуро посоветовал Артем. — Тебе водку в рот брать нельзя, идиотом становишься. Простых вещей не понимаешь.

— Я не понимаю? Я? — парень вытаращил глаза. — Да что ты что, Темка, из меня дурака делаешь?! Если у этой курицы... это самое... день неподходящий, нечего было сюда тащиться!

Артем подхватил парня за локоть и подтолкнул его к лестнице:

— Иди, Михайло, иди, — повторил он строго. — Не смущай девушку...

— Да и хрен с ней, — отмахнулся Михаил, поднимаясь. — Нехай у нее там плесень вырастет.

Марина стояла, пытаясь унять подступающие к горлу слезы.

Николаев поднялся на пару ступенек, проследил за тем, как пьяный Михаил скрылся на втором этаже. Потом он посмотрел на Марину и вернулся к ней.

— По-моему, ты немного не туда попала, верно? — спокойно спросил он.

Марина молча стиснула зубы.

— Есть предложение, — проговорил Артем. — Тебе надо просто успокоиться и дождаться, пока ребята перебесятся, протрезвеют и вовсе забудут о том, что здесь происходило. Пойдем со мной.

Он протянул руку, и Марина отскочила.

— Не бойся, — усмехнулся Николаев. — Я прекрасно понял, с чем я имею дело.

Он взял ее за руку и повел через холл ко второй лестнице. Поднявшись до промежуточной площадки, он открыл какую-то дверь и втолкнул Марину внутрь. Не входя в помещение, он проговорил:

— Это моя комната. Сюда никто не придет. Но если боишься, можешь закрыться изнутри. Отдыхай.

Он осторожно притворил дверь, и его шаги быстро затихли где-то в коридоре второго этажа.

Марина несколько секунд стояла неподвижно, пока ее глаза не привыкли к темноте, потом кинулась к двери, нащупала ручку поворотного замка и немедленно заперла дверь. Потом она добрела до узкой низкой кровати, опустилась на нее и горько заплакала, уткнувшись в ладони.

Она чувствовала себя не просто дурой, а совершенно несуразной бестолочью. Новый год она встречать поехала. На красивого парня залюбовалась. Даже и предположить не могла, чем принято развлекаться в дружеском кругу... Танюшка, конечно, хороша. Подруга, называется. Хоть бы предупредила...

Наревевшись до озноба, Марина стала осматриваться.

Маленькая комната с изломанным потолком и широким окном показалась ей тесной и совсем непригодной для жилья. Кровать была слишком неудобной. Нежесткая сетка, провисла под крупным телом Марины почти до пола. Письменный стол, подставленный вплотную к окну, занимал почти все оставшееся пространство комнатки. На столе лежали какие-то книги и толстые тетради, видимо, с конспектами. Между столом и кроватью умещалась лишь узкая белая тумба с ящиками, сверху на которой одна на другую установлены были три книжные полки. Больше в комнате мебели не было. Она просто не поместилась бы здесь.

Марина встала и включила настольную лампу. Эта лампа была единственным светильником в комнатке. Плафон излучал густо-желтый свет, и в комнате стало неожиданно уютно. При свете Марина разглядела на стене по обе стороны от двери несколько рисунков в застекленных металлических рамках. Она подошла поближе и взгляделась.

Диковенный силуэт огромного замка, который словно плавал в густом тумане. Меч с изящной рукояткой, увитый каким-то растением. Наконец, всадник в широком черном плаще с застежкой в виде серебряной розы. Сам всадник с несколько надменным и печальным лицом был как две капли воды похож на Гармая...

Марина не решилась прилечь на хозяйскую постель и тихонько просидела на кровати, прислушиваясь к звукам извне. Сначала слышались и беготня, и вскрики, и хохот. Кажется, кто-то с кем-то подрался, и в очередной раз кто-то что-то разбил. Но постепенно все стихло, и несколько часов подряд никаких признаков жизни дом не подавал.

Из полудремы Марину вывели шаги за дверью и осторожный негромкий стук.

— Это хозяин, — раздался голос Николаева.

Марина повернула замок, и Артем вошел. Она вернулась и снова присела на краешек кровати.

— Со светом сидишь? — усмехнулся он. — Я же сказал тебе, что сюда никто не придет. Могла бы и поспать.

Марина пожала плечами:

— Да я не хочу.

— Дело твое... — Артем присел перед тумбой и выдвинул один из ящиков.

Марина вскочила на ноги. Хозяин пришел разбираться со своими вещами, и оставаться дальше в его комнате стало неловко.

— Да сиди ты. Я тебя не гоню, — произнес Николаев. — Хотя, конечно, скоро ребята начнут мало-помалу выползать, и это зрелище тебе вряд ли понравится. Так что лучше я провожу тебя на электричку.

Марина покорно кивнула.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Николев сунул в карман чистый носовой платок и задвинул ящик, а потом, сидя на корточках, взглянул на Марину снизу вверх и криво улыбнулся:

— Это ты зря.

— Что зря?

— Ревела зря. Только нос распух.

Марина машинально прикрыла нос ладонью. Артем прыснул и покачал головой:

— Да ладно, что уж теперь... Хоть знать будешь, куда не следует соваться хорошим девочкам...

Марина вспыхнула:

— При чем тут?!..

— Хорошая девочка?.. Верно Михаил сказал, матрешка ты и есть, в чистом виде... — проямлил Артем. — Чур не обижаться!

Марина поджала запрыгавшие губы.

— Ты, конечно, упивайся на здоровье своим негодованием, — вдруг недобро проговорил Николаев. — Но здесь собрались совершенно нормальные ребята. И я вовсе не хозяин притона. Я просто пригласил друзей в гости. У меня есть место, где они могут развлечься на свой вкус. Ну, выпить втихаря они где угодно смогут, поплясать тоже. А вот попробуй только прыгни в койку. Или предки расшумятся, или комендант в общаге в замочные скважины подслушает и по комсомольской линии доложит. А ребятам расслабиться охота. Ну и пусть расслабляются...

— Пусть расслабляются, — кивнула Марина. — Только не со мной.

Николаев выпрямился, потер затекшие колени и присел на краешек стола.

— Почему ты из всего огромного дома выбрал эту комнатенку?

— Выбрал что попроще. Потому что это не мой дом. Это отцовская дача, — коротко пояснил Артем. — Когда смогу разогнаться на свое жилье, немедленно съеду отсюда. Поселок, конечно, не самый худший. Но я люблю город.

— Конечно, как можно каждый день в институт мотаться?! У твоих родителей что, в городе не нашлось такой же клетушки?

— Ну, у них много чего нашлось бы, — усмехнулся Артем. — Но есть проблема. Я, видишь ли, отцовским советам в последнее время не следую, поэтому с родителями своими сейчас не дружу, и предпочитаю на глаза им не попадаться и ничего не просить. Нашел

наилучший выход из положения. На стипендию-то, даже на повышенную, жилье не снимешь. Нанялся к отцу сторожем за право проживания... А тебе, как я понял, мое обиталище не понравилось?

— Нет, почему же, ничего, — уклончиво протянула Марина. — Тесновато только... А рисунки хорошие. Твои?

— Мои, — кивнул Николаев и покосился на стену с рисунками. — Балуюсь долгими зимними вечерами...

— А почему ты решил, что похож на лорда Корвина?

Артем медленно открыл рот, еще раз быстро взглянул на свой автопортрет в плаще и уставился на Марину в изумлении.

— Корвин был брюнетом, — продолжила она, любуясь неожиданно произведенным впечатлением. — Хотя конечно, черно-серебряное тебе идет.

— М-да... — покачал головой Николаев. — А матрешки-то бывают разные... Ты еще скажи, что Желязны читала...

— При чем без перевода, — улыбнулась Марина.

Артем вскинул руку и глянул на часы:

— Давай-ка собираться на станцию. По пути мне объяснишь, где в наше время простая советская матрешка умудрилась достать Желязны в подлиннике и каким чудом она смогла его прочесть...

Артем слонялся из угла в угол, стараясь не попадаться Марине на глаза. Она выходила из кухни, и он осторожно шел туда и присаживался на стул. Она принималась что-то перекладывать в коридоре, и он спешил убраться в комнату, откуда его присутствие было бы не так заметно.

Он не знал, как ему разговаривать с этой женщиной. Вроде бы ему нужно расспросить ее о Володе, но в голову лезло совсем другое. Хотелось узнать, что произошло с Мариной за те годы, пока Артем Николаев и Марина Казакова ничего не знали друг о друге. А произошло, видимо, что-то из ряда вон выходящее, иначе смешная толстая девчонка просто превратилась бы в широкозадую клушу с тремя подбородками, четырьмя хозяйственными сумками и мохеровым беретом. Сколько же теперь ей лет? Около тридцати. А выглядит на несколько лет моложе. И ведет себя так, что не знаешь, как и подъехать...

Артем, у которого никогда не было проблемы, как подъехать к женщине, растерялся. Ему уже совершенно не хотелось думать о Володе и его странной смерти.

Он размышлял о том, насколько нелепа эта случайная встреча в пустой квартире. Если Марина и Володя действительно были так близки, как намекал Сергей Панин, то женщине наверняка хотелось бы остаться одной. Может быть, она просто поплакала бы вволю. Артем понимал, что ему стоило бы проститься и уйти. Но оказалось, что выполнить разумные намерения совсем не просто. Артем просто вел себя пай-мальчиком и ждал, пока Марина сама с ним заговорит.

А она не спешила. На протяжении нескольких часов она старательно и даже с некоторым ожесточением наводила порядок, такой порядок, какого эти стены в последние годы и не видели. Володя был аккуратный парень, но жилище свое он не вылизывал, относясь к бытовым мелочам философски. Артем следил за стараниями Марины, пока не понял, наконец: не ради чистоты она трудилась, а для того, чтобы устранить из квартиры следы чужого присутствия.

Артем выполнил все полученные им указания: добросовестно раздал чужую мебель и проветрил прокуренную Сергеем спальню. Больше ему заняться было нечем. Он просто переходил с места на место, и мысли его поминутно возвращались к смешной первокурснице-толстушке с растрепанной косой. Но где же теперь те испуганные наивные глаза смешной девчонки? Сухие печальные глаза этой красивой женщины были ему незнакомы.

Марина стала другой.

А Артем терпеть не мог, когда люди менялись до такой степени. Это как-то ненормально. Неужели смешные клуши-матрешки способны так преображаться?

— Кажется, теперь все, — равнодушно произнесла Марина, войдя, наконец, в комнату. — У тебя тоже?

— Более чем, — кивнул Артем. — У Володи никогда не было такого порядка, насколько я помню.

— Или у тебя память плохая, или ты нечасто с ним виделся, — с укоризной отозвалась Марина, устало присаживаясь на диван.

— Да, мы в последнее время редко встречались. Я вообще почти не бываю в Сосново.

— Наконец-то разжился собственным жильем? — все так же равнодушно осведомилась

Марина и слегка усмехнулась, словно вспомнила о чем-то.

— Да, я купил квартиру в центре.

— Что ж, есть чему позавидовать, — безразличным тоном сообщила Марина и вдруг добавила так же ровно: — Кстати, раз уж мы привели в порядок квартиру, теперь можно избавиться друг от друга...

— Ты хочешь уйти? — почему-то испугался Артем.

— Мне показалось, ты хочешь, — обронила Марина. — Тебе уже давно нечем заняться.

Впрочем, я не настаиваю и могу уйти сама...

Зазвонил телефон на подоконнике. Они оба вздрогнули и взглянули друг на друга.

— Сиди, я возьму, — Артем подошел и снял трубку. — Слушаю...

— Темыч, здорово... — раздался хриплый голос Сергея.

— Здорово. Как ты?

— Прихожу в себя помаленьку. Надюха ругается, на чем свет стоит, и все утро поит меня «Алка-Зельцером». Сейчас в офис поеду. Дела-то не ждут... Артем, слушай-ка... Разговор наш вчерашний помнишь?

— Это который серьезный-то?

— Вот-вот... Слушай, старик, ты выбрось-ка из головы все, что я тебе вчера наплел...

— То есть? — Артем несказанно удивился такому переходу.

— То и есть, что слышал, — грубовато подтвердил Сергей. — Это у меня вчера мозга за мозгу зашла, вот и полез из меня сюжет к мексиканскому сериалу. Пустое все это. Забудь, Артем...

— А как же твоя просьба... Ну... — Артем замялся.

— Ты об этой бабе? — Сергей тяжело закашлялся в трубку, выругался и ответил твердо:

— И о ней забудь. Ничего не надо, Темыч.

— Подожди, Сережа, подожди! Вчера для тебя была важна каждая мелочь...

— Артем, черт тебя побери! Я наговорил спяну глупостей, с кем не бывает... Теперь прошу: забудь о нашем разговоре. Все равно ни к чему хорошему это не приведет. По большому счету, тебе все это надо? Нет. И Володе уже не надо. Значит, и я без этого обойдусь. Пока...

Повесив трубку, Артем отошел от телефона и заметил, что Марина сосредоточенно смотрит на него.

— Это Панин? — спросила она с неприязнью. — Что ему надо?

— От тебя ничего, — вырвалось у Артема с досадой.

Он тут же испугался своей невольной грубости, но Марина не обиделась, только скептически усмехнулась. И Артему эта усмешка совсем не понравилась.

Звонок Сергея совершенно сбил его с толку. Идея, прежде казавшаяся бредовой, за ночь настолько прочно укрепилась в голове Артема, что способ выяснения истины, предложенный братом, стал казаться вполне реальным. Конечно, если бы Артему попалась в этом деле совершенно незнакомая дама, он, скорее всего не испытал бы особого энтузиазма. Но это совпадение было настолько невероятным, что теперь Артем никак не мог просто выбросить все из головы.

Марина по-прежнему сидела в глубокой задумчивости, заложив ногу на ногу и сцепив на колене пальцы.

— Марина, ты веришь в то, что это был несчастный случай?

Она резко вскинула голову:

— Какое имеет значение то, во что я верю?

— Так, интересно...

— Странные у тебя интересы, — пожала она плечами.

— А почему я не могу заинтересоваться причинами внезапной смерти родственника?

Лично мне не нравится версия о несчастном случае. Несчастный случай — это когда кирпич на голову падает. А Володю убили. И, возможно, убили преднамеренно.

— Артем, эти разговоры все равно ни к чему не приведут, — пробормотала она. — Стоит ли начинать?

— Ты просто не хочешь говорить об этом именно со мной? — уточнил Артем.

— Я ни с кем не хочу об этом говорить.

Она отталкивала Артема недвусмысленно и бесповоротно. Наверное, ей было что рассказать, но для этого нужен был совсем другой человек?

— Марина, вы же вместе работали. А что, если именно на работе Володя нарвался на какие-то крупные неприятности? Ты случайно не знаешь, все ли было у него ладно?

— Допустим, знаю, — сухо ответила Марина. — Но это не твое дело.

— Нет, мое! — возмутился Артем. — Володя мне был не чужой! Если вы действительно давно и хорошо знакомы, ты должна была знать, что мы с ним всегда были хорошими друзьями...

— Представь себе, он и пары слов не сказал о любимом кузене, — со злостью бросила Марина.

— Он ни разу не назвал тебе мою фамилию? — удивился Артем.

— Я в курсе, что Панины — племянники Савелия Николаева. Но Николаевых вокруг, прости меня, как грязи. Я не знала, что директор сосновского «Метмаша» имеет к тебе отношение, — усмехнулась она и добавила. — А если тебя действительно интересуют его дела, отвечаю: у него все было в порядке!

— А Сергею показалось, что Володя попал в серьезный переплет. И теперь Сергей мучается от того, что вовремя не вмешался....

— Вовремя не вмешался? — эхом повторила Марина и поморщилась. — С ума сойти. Как жаль...

— Что ты язвись?! — рассердился Артем. — Ты видела вчера Серегу? Да на нем лица нет..

— Лица, может быть, и нет. И еще кое-чего нет...

— Чего же?

— Совести, — отрезала она. — Ты бы сначала разобрался, отчего на самом деле Панин мучается.

— Что ты имеешь в виду?

Ответить Марина не успела.

Во входную дверь кто-то вставил ключ и повернул его. Артем почувствовал досаду. Разговор с Мариной и так не заладился, а тут еще совершенно неожиданный гость наглым образом лез в дверь.

— Любопытно, сколько же еще желающих найдется помыть посуду? — процедил Артем.

Марина вдруг вскочила с дивана. Артем заметил, как она внезапно побледнела и напряглась.

— Эй, живые есть? — послышался голос из прихожей.

На пороге показался высокий юноша в спортивном костюме, в котором Артем узнал Георгия Панина, своего младшенького кузена.

— Ого, да тут много вас, живых-то, — пробормотал Георгий, входя в комнату. Увидев Марину, он приветливо улыбнулся ей. — Здра-а-авствуйте!

Она кивнула ему. Щеки ее снова порозовели. Кажется, она хорошо представляла, кто перед ней, и знала, что бояться его не следует.

За последние года три-четыре противный худосочный тинэйджер-недомерок превратился в симпатичного худощавого юношу. Нимало не смутившись, Гошка подошел и подал Артему руку.

— Экетета не знаешь. Молодежь первой руку не тянет, — проворчал тот, но руку Гошке пожал. — Здравствуй. Ты зачем здесь?

— Да Серега вспомнил, что не оставил тебе ключи. Поднял меня с постели и велел ключи тебе доставить... На, держи, — Гошка сунул Артему три ключика на колечке. — Мне главное поручение выполнить.

— Как тетя Зоя? — поинтересовался Артем, принимая ключи.

— Да вроде неважно пока... — насупился Иван. Он покосился на Марину, улыбнулся и подмигнул Артему: — Познакомились? А то Вовка Марину Сергеевну так старательно от всех прятал.

Познакомились, — сдержанно подтвердил Артем.

— Ну ладно, Тема, — махнул рукой Гошка. — Я побежал, а то мне надо в Фанерный смотать по-быстрому, пока Серега меня не хватился.

— Что, юный Казанова, опять сердечные дела? — усмехнулся Артем. — Кто на этот раз?

Гошка с сомнением взглянул на Артема, словно прикидывая, стоит ли сообщать подробности, и неуверенно произнес:

— Ну-у... Аленка Мазина.

— Мазина?

Гошка вздохнул:

— Стареешь, Артем. Никак, склероз. Ты же с ее братом дружил.

— Ну почему же, помню... Давно не виделись, правда, — проямлил Артем. О последней встрече со старым другом у Артема остались очень неприятные воспоминания. — Ну и как там Ванька Мазин?

— Неважно, — пожал плечами Гошка. — Но пока живой.

— В смысле?

— А ты что, не слышал? Отделали его по весне, еле с того света выкарабкался.

— Да, я действительно не слышал... — растерялся Артем, краем глаза замечая, как Марина укоризненно качнула головой.

* * *

Сняв с холодильника телефон, Иван пристроил его на краю стола и взгромоздился на тумбочку.

Первый звонок достиг цели немедленно, хотя Иван и не надеялся, что застанет старого знакомого.

— А-а, Ванька?! — не то удивился, не то обрадовался Михаил. — Как поживаешь? Здоровье-то как, на поправку?

— Более или менее, — уклончиво ответил Иван. — Миш, как там твоя команда? Работаете по-прежнему?

— Как сказать?.. — помялся Михаил. — Кто-то себе нового босса нашел, кто-то стал свободным художником. Держу связь кое с кем...

— Как работается на нового босса?

— Босс он всегда босс, — коротко вздохнул Михаил. — Босс нынче прижимистый пошел. Ты-то теперь при ком?

— Я всегда сам при себе, — буркнул Иван. — Бузуков, я тут тебе работенку сыскал.

— Спасибо, не надо. Хлопцев у меня не так много осталось. Я их загрузил под завязку.

— Да нет, Миша, это лично для меня. Небольшая помощь нужна.

— А... Ну... Конечно, Иван, о чем разговор?.. А конкретно?

— Конкретно есть некая персона, которая совершенно необоснованно хочет абсолютно невозможного. Вот бы вразумить...

— Вразумить до какой степени? — осторожно уточнил Бузуков.

— Думаю, что если твои парни по душам поговорят с той персоной, вопрос будет исчерпан.

Иван чувствовал, как Михаил мнетя, не зная, как бы отказать бывшему партнеру, не обидев.

— Принято, — бодро сказал Михаил. — Гони информацию. Фамилии, координаты, время...

— Я пока не знаю фамилии. Дело в следующем: моя сестра...

— Ваня, ты меня извини... — неуверенно протянул Михаил. — Я же ребятам спуску не даю, хлопцы с утра до ночи пашут. Ты представляешь себе, что это значит. Не могу я их еще и на сбор левой информации посылать. К тому же подобные изыскания не для моих качков, они ведь ребята простые: два слова кое-как свяжут, третье уже невпопад... Давай так: ты мне даешь полные сведения, а я без лишних вопросов вразумляю точно обозначенную персону в указанном тобой месте.

— Что ж... — вздохнул Иван. — Тогда я перезвоню.

— В любое время, Ваня... — так же бодренько заверил Михаил. — Ты уж извини меня, старик. Не обижайся. Руки приложить — это я тебе всегда обеспечу. А уж все остальное — это дело не мое... Ну что, лады?

— Лады, Миша. Все в порядке.

— Тогда бывай здоров...

Иван бросил трубку на аппарат и со злостью вцепился зубами в собственный кулак. Вот так. Друг-товарищ... Впрочем, никакой не друг, и другом никогда не был. С Михаилом и его хлопцами отношения у Ивана были абсолютно деловые. Теперь, когда нет общей клиентуры, нет и бесплатных услуг.

Мазин, выйдя из больницы, остался не только без привычных стабильных заказов, но и без старых связей. Информация — продукт скоропортящийся, спрос растет. Клиенты Ивана не утерпели и нашли для своих заказов новых исполнителей. При согласии клиента достойно оплачивать услуги можно найти неплохих мастеров информационного сыска. Прежние клиенты Ивана были люди в основном денежные. Долго ждать они не привыкли, ну и сбежали на сторону.

И жизнь Ивана резко изменилась. Это уже само по себе доставляло ему огромные неудобства.

По натуре Иван Мазин был консерватором. Любой выход из привычного ритма, внезапное нарушение установленного распорядка или крушение давно запланированного дела причиняли ему нешуточные страдания. Он плохо привыкал к новшествам, а привыкнув к ним, ни за что не хотел терять.

За годы своего странного бизнеса Иван среди прочих привычек заимел вредную привычку к холяве, к тому, что среди тех, кому ты нужен, всегда найдется тот, кто готов был в свою очередь посядействовать ему.

Человек, выпавший из своего круга, переставал представлять интерес в первую очередь для бывших партнеров. И теперь никто не станет шевелиться из одного к нему уважения или по старой дружбе. Теперь вопрос будет стоять иначе: есть деньги — есть содействие.

Деньги у Ивана прежде водились. Он с самого начала не стеснялся стрясать достойную оплату со своей клиентуры. Но все свои сбережения Иван вложил в первое собственное жилье.

У него долго не было дома. У него не было дома даже тогда, когда Иван каждый день приходил в отдельную комнату и засыпал в собственной постели. В отцовской квартире он чувствовал себя не лучше, чем в чистом поле в ненастную ночь. Едва отец потерял право распоряжаться жизнью Ивана, тот немедленно исчез из-под родительской крыши, не желая больше там оставаться. С тех самых пор он никому не отчитывался в том, где живет, с кем и на что.

Ивану пришлось расплачиваться за свою свободу. В то время, как его приятели и сокурсники наслаждались жизнью, беззастенчиво пользовались родительской финансовой поддержкой или перебивались в общаге с хлеба на пиво, ни о чем не горюя, Мазин вкалывал. Нельзя сказать, чтобы работа на себя была ему в тягость. Скорее наоборот: на свою вожаделенную свободу он готов был трудиться, как каторжный.

Однако, ему надо было где-то жить. Парня с питерской пропиской ни за что не хотели селить в общежитии, а Иван не привык ничего выпрашивать. Пришлось пользоваться случайными углами, выбирая места подешевле. Его тошнило от грязи и бестолковой суеты коммуналок. Его раздражали любопытствующие взгляды соседей, ему надоело засыпать в наушниках, чтобы не слышать пьяный гогот их гостей. Наконец, ему просто осточертело постоянно трястись за сохранность своей техники, которая год от года становилась все серьезнее и дороже.

Его приобретением стала плохонькая, запущенная прежними хозяевами двухкомнатная квартирка в поселке Фанерном. Теперь в его доме все было так, так он давным-давно задумал, но в процессе обустройства Иван значительно подчистил свои счета.

А то, что еще оставалось он подъял за последние месяцы, в течение которых работать не мог и доходов практически не имел.

И если у Ивана пока еще не пустовал холодильник, то выдать сестренке тысячу долларов он никак не мог. Даже если бы захотел. Впрочем, если бы денег у Ивана было достаточно, он вряд ли пошел бы на поводу у вымогателя. Пусть бы попробовал какой-нибудь жлоб полгода назад потребовать с его сестры хоть рубль!.. Не сам Иван, так ребята из местного охранного бюро, подчиненные Михаила Бузукова, по стенке размазали бы такого идиота.

Теперь же все иначе.

Нет денег, нет связей, нет сил. Проклятье!.. Иван понял, что в одиночку ему все-таки не

справиться.

С утра особенно назойливо гудела голова, словно с тяжелого похмелья. После разговора с Бузуковым стало еще хуже. Иван понял, что не может сосредоточиться. Мысли метались в голове, словно запертые в темном чулане, перемешивались, теряя всякий смысл, становились бессвязными.

Идея забрезжила неожиданно.

В свое время Иван наплевал в один очень ценный колодец. Этого делать не стоило по нескольким причинам. Причина меркантильная состояла в том, что близкие контакты с человеком, служащим в официальных структурах, не могут быть лишними. Была еще и личная причина, еще более весомая: нельзя было сторяча рвать отношения с другом, который всегда бывал на его стороне.

Иван не мог простить себе ту мальчишескую выходку, из-за которой он надолго остался совсем один. Будучи по натуре индивидуалистом, он старался не обращать внимания на свое одиночество. В конце концов, вокруг него была тьма народу, клиенты, партнеры, да и повзрослевшая Аленька вполне годилась для того, чтобы Иван не совсем одичал.

Но без старых друзей было трудно, особенно сейчас, когда нужно было немедленно помочь сестре. Пусть старший брат сам ни на что не пригоден, он должен что-то сделать хотя бы с помощью друзей.

Иван нерешительно взял трубку, понажимал на кнопки и выслушал унылые длинные гудки. Решив добить начатое до конца, Иван прогулялся в комнату, покопался в боковом кармане своей сумки, достал записную книжку и отыскал в ней еще один номер. Вполне возможно, что и номер этот давным-давно сменился...

— Майора Томчака, — без особой надежды попросил Иван, и очень удивился, когда ответивший парень не бросил трубку на рычаги, а отложил в сторону и прокричал что-то.

— Подполковник Томчак, — раздался в трубке знакомый низкий голос.

— Привет, Макс. С повышением тебя...

— Мазин? Не может быть... — фыркнул Томчак. — Дай в окно гляну, небо на землю не упало? Ванька, ты?

— Я, Макс.

— Ну ты и свинья, — ласково заявил собеседник. — Я, между прочим, забыл о твоём существовании, так и знай.

— Да я знаю, — согласился Иван. — Мне нужна твоя помощь, Максим.

— Тогда ты дважды свинья, — засмеялся Томчак. — Я так сразу и подумал: если наш затворник вдруг первым подает голос, значит, ему что-то понадобилось. Было бы все в порядке, еще сто лет бы не позвонил. Я прав?

— Прав. Ты всегда прав, Максим.

— Слушай, — серьезно произнес Томчак. — Что-то мне твой голос не нравится... Что стряслось?

— Кое-что. И мне больше не с кем посоветоваться...

Максим приглушенно произнес что-то тому, кто был рядом с ним, и снова заговорил в трубку:

— Давай-ка без предисловий. Что случилось? Нечаянно влез в базу данных Пентагона?

— Ну, до этого еще не дошло. Просто нужна помощь.

— Деньгами что ли? — сухо вато уточнил Максим.

— Нет, скорее действием. Впрочем, сначала мне требуется твоя консультация. Ты, как

специалист, должен посоветовать что-нибудь дельное. Возможно, все не так уж и страшно.

— Да, Ванька, если начистоту, твой голос мне нравится все меньше и меньше... — тревожно протянул Максим. — Ты здоров?

— Вполне. Так что?

— Ну что «что»? — передразнил Томчак. — Я зайду к тебе. Ты все там же обитаешь?

— Да. Когда тебя ждать?

— Сегодня. Точнее не скажу, сам понимаешь — служба. Приду, как освобожусь. Скорее всего к вечеру. А сейчас извини, у нас тут телефон один на всех...

Иван повесил трубку, взъерошил волосы, растер виски. Уф...

Он боялся, что Максим, как прочие, просто отбазарится от старого приятеля? Нет, он, как всегда, поможет. Каким чудом Томчаку с детства удавалось вытаскивать друзей из разнообразных заморочек, для Мазина оставалось тайной. Наверное, такой уж у того был талант.

Иван не сомневался в том, что Томчаку запросто удастся избавить Аленку от приставания какого-то подонка. Максиму удавались вещи куда более сложные, а здесь обычное торговое жулье.

— Кому ты звонил, Ваня? — Аленка стояла в дверях кухни и с надеждой смотрела на брата.

— Отличному парню я звонил, — улыбнулся Иван. — Не вешай нос.

— Твой отличный парень одолжит тебе тысячу зеленых? — недоверчиво переспросила она.

— Нет. Но он свернет шею твоему бандюгану.

Аленка поджала губы, скептически усмехнувшись, но ничего не сказала. Иван заметил, что она в кроссовках и в куртке.

— Ты куда собралась?

— Надо дома показаться, на всякий случай, — вздохнула она. — Я сегодня, может быть, еще вернусь, попозже...

* * *

Георгий сидел в машине злой, как черт.

Всегда так: хочешь, как лучше, а на тебя плюют, не глядя. Спешил, как дурак. Психовал, когда застрял на полчаса на переезде, пропуская один товарняк за другим. Торопился, думал, что Аленка уже давно ждет. Но он въехал в тихий запущенный дворик и никого там не обнаружил.

Время шло. Георгий курил, поминутно смотрел на часы и злился. Машину нужно было поскорее вернуть, пока Варченко не хватился. Раньше у Гошки был другой начальник, тот понимал Георгия и много раз выручал его. А этот кретин Варченко вроде не тупой, а все норовит Сереге задницу вылизать. Каким уж медом у Сереги она намазана, что его холуи так пресмыкаются?.. Варченко — самый гад, гадючее не придумаешь. Сразу заложит, словно за язык его кто тянет.

Когда Аленка выбежала во двор и, не глядя вокруг, пошла к разломанным качелям, Георгий резко просигналил ей. Она даже присела с перепугу и оглянулась.

Георгий молча показал ей кулак.

Она нахмурилась и бегом побежала к машине.

— Я не понял, мы договаривались или нет? — злобно бросил Георгий, когда девчонка забралась внутрь. — В следующий раз езжай на автобусе!

— Ой, да ладно тебе! — раздраженно буркнула она. — Думаешь, от Ваньки так просто можно отвязаться? Ходит, квохчет, как курица...

— А яйца он у тебя еще не несет? — фыркнул Георгий. — Запарился я туда-сюда мотаться! Ладно бы тачка своя была, не было бы и вопросов.

— Да не хочешь — не мотайся! Я и пешком дойду! — Аленка надула губы и потянулась к дверной ручке, собираясь вылезти.

— Куда?! — заорал Георгий и, обхватив одной рукой Ирку за плечи, рванул ее на себе, запрокидывая на спину. Не давая девчонке опомниться, он поспешно впился в ее сочные губы.

— Да пошел ты, Гошка! — она со смехом несильно отпихнула его от себя. — От тебя перегаром несет!

— А это я вчера за упокой братца Володи маленько хватанул.

— Ничего себе «маленько»! — хмыкнула Аленка и, усевшись, дала Гошке шуточный подзатыльник. — Нажрался, наверное, вдрызг!

— Имел полное право. Даже Серега не ворчал... — усмехнулся Георгий. — Так что и я от Вовки хоть какую-то пользу напоследок поимел...

— Ну ты и циник, Гошка!

— Вот сразу «циник»! — передернулся Георгий и завел машину. — Я Вовке смерти не желал. Но и плакать тут не о чем... Ладно, поехали. Ремень пристегни!

— Чья машина-то?

— Варченко. Поспешать надо, а не то они с Серегой меня на пару убьют.

— Слушай, Гош, — озабоченно уточнила Аленка. — Ты что, нарочно их дразнишь?

— Никого я не дразню, — буркнул Гошка.

— А зачем тогда опять машину без спроса взял?

— Я думал, что успею за полчаса. Теперь, конечно, влетит... — процедил Георгий, выруливая из двора. — Ну так что?

— Ты о чем?

— О чем, о чем! О капусте! Даст твой братан денег?

— Нет у него, — нахмурилась Аленка.

— Я же говорил, что из твоей дурацкой затеи ничего не выгорит... — недовольно буркнул Георгий. — Баксы-то у него есть. Наверняка. Только он, как все жлобы, за свою копейку удавиться готов...

— Ой, а ты что ли не готов удавиться?! — обиделась Аленка.

— Это смотря кто попросит, — философски рассудил Георгий. — Тебе бы я дал.

— Ванька тоже дал бы. Нет у него. Он же давно работать не может.

— Ты сама говорила, сколько у него компьютеров, и все навороченные, все с прибабасами. Любил бы сестренку, продал бы кое-что... Ты намекни, а то он сам не догадается.

Аленка покачала головой:

— Нечего тут намекать. Ничего он продавать не станет. Это же его орудия труда.

— На фиг ему орудия труда, если он у тебя все равно не работает? Тем, которые на голову большие, нельзя глазки напрягать. А то, я слышал, можно совсем коньки отбросить. Я,

конечно, не откажусь еще от одних поминок...

— Кретин ты! — взвизгнула Аленка и наотмашь ударила Гошку.

Он успел отпрянуть, и ее ногти лишь обжигаяще царапнули кожу на виске. Машина вильнула, выехала на встречную полосу. Совсем рядом раздался визг чьих-то тормозов и истошный рев клаксона. Георгий рванул руль вправо, выравнивая автомобиль и краем глаза замечая, как водитель встречной машины, медленно проезжая мимо, выразительно крутит пальцем у виска.

Ощущая, как мгновенно взмокла спина, Георгий медленно свернул к обочине и остановился.

— Дура! — в сердцах сплюнул он. — Ну что же ты за дура!

— Ну, Гошенька, прости меня... — проговорила Аленка, повернулась к нему, провела кончиками пальцев по оцарапанному виску. — Тебе больно?

— Больно? — он поморщился, отстраняясь от ее руки. — Да мы бы сейчас могли вмятку разбиться!

Она виновато потупилась.

— Между прочим, — сердито добавил Георгий. — У меня не только доверенности нет. Права мне Серега тоже так и не вернул. А если бы авария, да гаишники примчались бы? Что мне, из-за твоих припадков в тюрьму садиться?

Аленка вдруг тихо заплакала, отвернувшись.

Георгий обнял ее, развернул, прижал к себе.

Недавно он понял, что ему нравится, когда она плачет, потому что ему нравилось ее утешать. Наверное, не слишком-то это хорошо, но Георгий ничего не мог с собой поделать. Аленка разревелась, и он принялся ласково гладить ее по голове.

Самого Гошку никто никогда не утешал и по голове не гладил. Не разменивалась его родня на такие глупости. Вечно замотанной и недовольной матери было некогда, брат Володя вообще был к нему совершенно равнодушен, а от Сергея доставались только тумачи.

Никто из тех, от кого зависела жизнь Георгия Панина, не любил его. Его всего-навсего растили. Взращивали с каким-то обреченным остервенением. Не любили и взамен любви не ждали. В самом деле, на что им сдалась его любовь? Георгий ненавидел свою родню и старался поменьше думать о ней.

А рядом с Аленкой у Гошки расправлялись плечи и за спиной вырастали крылья.

В сущности, ничего особенного между ними не было. Но Георгий теперь понял, что чувствует тот, кто кому-то нужен по-настоящему. Нужен не только для того, чтобы поболтать о пустяках, скоротать ночь в дискотеке, а потом перепихнуться на деревянных трибунах заводского стадиона... Правда, ничем из вышеупомянутого Георгий пренебрегать не собирался. Но кроме этого Аленка бежала к нему за утешением и поддержкой, и Георгий готов был ради нее свернуть горы и осушить моря.

Среди прежних его подружек тоже попадались симпатичные куколки. Но они интересовались только тем, что было у Георгия в штанах и в бумажнике. Благополучно побывав и там и сям и удовлетворив свое любопытство, подружки исчезали. А Аленка никуда не исчезала. Она, наоборот, возникала на горизонте иногда даже совсем некстати. С ней было порой трудно сладить. Бывало и так, что от ее нелепых злобных слов у Георгия горло перехватывало. Но иногда она становилась смиренная, заботливая, внимательно слушала все, что бы он ни говорил ей, целовала, утешала, находила множество каких-то глупых, смешных и ласковых словечек, от которых у Гошки, привыкшего к отборному

беззастенчивому мату, слезы начинали щекотать горло. И еще Аленка любила смотреть ему в глаза. Смотрела подолгу и без насмешки, словно любуясь, и Георгий терялся в догадках, чем же в его физиономии можно любоваться, если старший брат иначе, как уродом, его и не величает? Словом, Гошке рядом с Аленой было теплее, чем с кем бы то ни было.

Аленин отец, уже довольно-таки пожилой солидный дедок, когда-то был главной партийной шишкой в Сосново. Все партийных шишек давно уже обтрясли, но товариш Мазин давно превратился в благополучного господина Мазина, который припеваючи жил и зашибал немалые деньги в местах, неведомых простому народу. Насчет немалых денег Георгий не сомневался: господин Мазин и его супруга довольно регулярно меняли машины, отовариваясь при этом в Серегином салоне. Тачки они выбирали первоклассные. И наверняка своей дочери они желали того же. Не зря же они перевели ее в самую престижную в районе школу — частный лицей. Не зря пичкали Аленку иностранными языками и дурацкой пиликающей музыкой, которую Георгий не выносил. Она читала каких-то писателей, чьи фамилии напоминали Гошке непечатные слова. Она любила какие-то странные бессвязные фильмы ни о чем, во время которых Гошка почти мгновенно засыпал от скуки... Нет, ни за что не позволил бы господин Мазин своей принцессе якшаться с парнем-недоучкой, едва-едва домучившим к восемнадцати годам вечернюю школу.

Аленка с обидой жаловалась Гошке на свою судьбу, на тиранию родителей, а тот сочувственно поддакивал. Но порой ему хотелось, чтобы его будущим тоже кто-нибудь озаботился и научил бы отличать Мопассана от Монферрана.

Сергея, конечно, приложил руку к воспитанию младшего брата. Он посадил его руль лет в одиннадцать и пинками да матом за несколько лет сделал из него классного водителя, а также научил со знанием дела ковыряться в моторе. И то, и другое во все времена давало хлеб. А для того, чтобы копаться в моторах, никаких монферранов, а тем более мопассанов не требовалось. Сам Сергей Панин без них прекрасно обходился и становился год от года все толще и глаже. Ему и невдомек было, что Гошке не хотелось быть совсем уж серым валенком. Тем более, когда рядом Аленка...

Переведя дух, Гошка снова повел автомобиль.

Переезд, к счастью, оказался открытым, и они благополучно миновали его и въехали в Сосново.

Аленка уже совсем успокоилась. Она вытерла глаза и смиренно сидела, послушно сложив руки на коленях. Но это еще ничего не значило. Из этого тихого омута могло выскочить что угодно.

Идея разжалобить брата и выжать из него немного денег принадлежала самой Аленке. Георгий сильно сомневался в том, что есть на свете такие братья, которые согласятся так просто расстаться с кровно нажитым, но согласился. Разжалобить своего брата Аленка вроде бы смогла, потому что этот странный мужик, помешанный на своих компьютерах, скорее всего, не знал толком не то что жизни за стенами своей квартиры, но даже и собственной сестры. Но вот деньги он давать не спешил.

— Слушай, Алена, а может быть, братан тебе не поверил?

— В каком смысле?

— Ну, может, он раскусил наш финт?

Она покачала головой:

— Да ну, что ты? Он со вчерашнего дня мечется. Сразу кинулся приятелей обзванивать, помощи просить... — Аленка как-то странно усмехнулась и добавила. — Хочет найти

бандюгана и начистить ему физиономию.

— Ты что, шутишь? — испугался Георгий.

— Ничуть. А что ты дергаешься?

— Потом твой Ваня нам с тобой так начистит, что мало не покажется! Ты только смотри в оба, как бы братан твой активность ненужную не развернул...

— Если что, я просто скажу, что от меня отстали, он и успокоится, — беспечно отмахнулась Аленка.

Георгий доехал до старого спального квартала, застроенного панельными многоэтажками, и подрулил к огромному павильону. Офис себе Сергей отгрохал солидный. Георгий был здесь своим парнем, иногда от скуки трепался с консультантами в автосалоне, иногда помогал автомеханикам в мастерской, иногда даже пытался покомандовать, изображая из себя хозяина. Но за такое Серега мог и в зубы дать.

В зубы можно было получить и за взятую без спроса машину.

— Ладно, Аленка, выметайся, — вздохнул Георгий, притормозив у края троттуара. — Дальше я один.

— Влетит тебе, да? — сочувственно уточнила Аленка.

— Да хрен с ним, не впервой, — буркнул Георгий.

Она чмокнула Гошку в исцарапанный висок, вытащила из его кармана пачку сигарет и вылезла из машины.

Георгий свернул с проезжей части и обогнул павильон.

Увидев у служебного входа старшего брата и Варченко, спорящих о чем-то, Георгий припарковался рядом с «мерсом» Сергея.

— А н-ну! Топай сюда! — махнул рукой Серега. Видимо, ручки-то у него чесались, и он засунул кулачищи в карманы широченных брюк.

Георгий послушно вылез. Спорить с Серегой все равно бесполезно, сопротивляться тем более.

— Ты где шляешься, ур-род?! — старший Панин скорчил зверскую физиономию. Добра от него сегодня ждать не приходилось. Как, впрочем, и всегда.

— Ты же сам велел...

— Я тебе велел Артему ключи отнести! За это время ты мог ползком туда-обратно раза четыре смотреть! — Сергей вскинул руку и вмазал Георгию по макушке. — Коз-зел! Я тебе сколько раз говорил: не смей без прав за руль садиться!!!

— Так отдай мне права! — обиженно буркнул Гошка. Сергей отобрал его водительские права ровно через неделю после того, как тот их получил.

— Такому придурку, как ты, и самокат нельзя доверить. Чтобы ты снова надрался за рулем? Вылавливай тебя потом из Ижоры... — злобно ответил Сергей.

Варченко, видимо, решил, что пришла и его очередь вставить слово, и протянул руку:

— Гони ключи!

Георгий молча положил ключи в протянутую ладонь.

— Мне что, привязывать тебя, что ли?! — продолжал Серега. — Я тебе, уроду, как человеку, говорил: делай, что сказано, от и до! Я тебя куда послал? Ключи отнести. Отнести, а не отвезти! Тут идти-то пять минут! Куда ездил? Опять девок катать?

— У меня дело было... — буркнул Георгий.

— Дело было? Дело у тебя еще будет, когда ты без прав и на чужой тачке в ментовку загремишь!..

Последовала новая оплеуха, сильнее первой. Георгий сжал зубы. Ему хотелось в ответ садануть Сергея ногой в толстое брюхо. Но он даже не произнес ни слова, потому что сейчас брат был прав. С машиной он, конечно же, дал маху. Сглупил.

— Матери в больницу надо было ампулы отвезти, а ты шляешься черт знает где... — уже спокойнее проговорил Сергей. — Спасибо, Кирилл отвез...

— Небось не перетрудился... — отозвался Георгий, косясь на Варченко. — Или что, сильно занят?

Удар в лицо был не чета тем оплеухам. Георгий едва удержался на ногах.

— Чья бы корова мычала! Пока ты мой хлеб ешь и только пакостишь. Так что нечего чужое время считать! — глухо матерясь, Сергей развернулся и пошел внутрь павильона. На пороге он обернулся и добавил: — Учти, урод: я военкому прилично дал на лапу, чтобы тебя оставили в покое... Так я вдвое дам, чтобы тебя в три дня вдогонку осеннему призыву отправили!.. А сейчас иди, переоденься и в мастерскую. Я Михалычу уже велел, он тебя работой загрузит, чтобы вечером с ног валился!

Высказавшись, он ушел.

— Ну что стоишь? Ступай работай! — скомандовал Варченко. — Ты мне, Гошка, и так весь день сломал. Еще раз возьмешь мою машину — пожалеешь по-настоящему...

Тупая боль давила в переносицу. Георгий прижал ладонь к носу, отнял и взглянул на влажный кровавый след. Не говоря ни слова, он пошел в мастерскую.

[Купить полную версию книги](#)